

ОСТОРОЖНО !!!
НЕНОРМАТИВНАЯ
ЛЕКСИКА

Результаты с 1/10

Призывнику Руденко
проживающему _____

На основании Закона СССР
Вы призваны на действительную
службу № _____

Призываю Вас в 13 часов
к 7.00 адресу: Дзержинск

М.П. _____

1977. апрель

Чудовищко г. Руденко

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Геннадий Руденко

Чабанка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Руденко Г. Г.

Чабанка / Г. Г. Руденко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Вы служили в армии? А зря. Советский Союз, Одесский военный округ, стройбат. Стройбат в середине 80-х, когда студенты были смешаны с ранее судимыми в одной кастрюле, где кипели интриги и противоречия, где страшное оттенялось смешным, а тоска – удачей. Это не сборник баек и анекдотов. Описанное не выдумка, при всей невероятности многих событий в действительности всё так и было. Действие не ограничивается армейскими годами, книга полна зарисовок времени, когда молодость совпала с закатом эпохи. Содержит нецензурную брань.

© Руденко Г. Г., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Некоторые пояснения вместо предисловия	6
Часть 1. Дух ли?	8
Лето 2005. Чабанка. Одесская область	8
Май 1986 года. Чабанка. КПП	9
Лето 2005. Одесса	12
1984 год. Киев	13
Конец июня. 1984. Киев. ДВРЗ	15
Конец июня. 1984. Пассажирский поезд Киев-Одесса	16
Следующее утро. На подъезде к Одессе	22
Август. 1988. Под Киевом на Днепре	23
Лето 1984. Одесса	25
Лето 1984. Чабанка. Первый день в части	26
Чабанка. Карантин. Конец июня 1984	32
Лето 1984. Первое воскресенье в части	36
Еще одна неделя и присяга	38
Часть 2. Салабон ли?	45
Лето 1984. Чабанка. Подарок старшины	45
Лето 1984. Первый день в роте	47
Лето 2004. Чабанка. В поисках своего места	54
Август 1991. Одесса	66
Август 1984. Первое увольнение в Одессу	68
Лето 1984. УПТК	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Чабанка

*«Армия – это не только доброе слово,
но еще и быстрое дело»*
из кинофильма «ДМБ»

Некоторые пояснения вместо предисловия

Зачем?

Зачем это вдруг я решил написать эту книгу? Мало ли у нас профессиональных литераторов? Мало ли непрофессиональных!? Сегодня, когда все, кому не лень, пишут мемуары и я туда же? Модно? Решил, как говорит один знакомый, «бабла срубить по лёгкому»?

Нет, нет, нет и, кстати, проект это некоммерческий – я понимаю, что заработать денег на нем у меня не получится, даже наоборот. И мир, кстати, лучше не станет. И хвастать мне нечем. Так зачем же?

Всё просто. Однажды в ноябре 2006 года мой организм впервые наглядно продемонстрировал, что он не вечен и даже более того, перефразируя классика – скорострительно не вечен. Первый месяц после этого неприятного инцидента была заметно нарушена речь, с большим трудом удавалось сбить давление до уровня нормального гипертоника. Через два месяца, в целях общей реабилитации и восстановления кровоснабжения мозга в частности, врачи порекомендовали побольше вспоминать. Школу, университет, соучеников, имена, даты, события. Так я начал проживать свою жизнь ещё раз и обнаружил, что жизнь моя – так себе, ничего особенного, но есть два года, которые выделяются своей необычностью – два года в стройбате, от звонка, так сказать, до звонка. Ну, что школа или университет? С теми или иными отклонениями почти все через это прошли. А вот многие ли могут похвастать, что служили в стройбате в середине восьмидесятых, именно в середине восьмидесятых, когда призваны были в строительные войска одновременно студенты, в том числе старших курсов, и ранее судимые. Шла война в Афганистане и, наверное, военкоматы к весне 1984 года ощутили серьёзный недобор мясных полуфабрикатов. Было решено призвать тех, кого раньше не призывали: студентов стационаров и тех, кто уже отбывал наказание. Не просто судимых и приговоренных условно или к срокам с отсрочками исполнения приговора, или к «химии», таких призывали всегда и всегда в стройбат, а вот «тяжеловиков», тех, кто отсидел по «тяжелым» статьям по три-пять лет или имел уже даже две «ходки», таких до весны 1984 года в армию, насколько я знаю по крайней мере, не призывали.

Как студенты оказались в стройбате? «Добрый» министр обороны решил дать возможность студентам сдать сессию, а потом уже призывать в армию. А окончание сессии приходится на конец июня, а куда призывали в конце призыва? Правильно – в стройбат. Вот так мы там все вместе и оказались.

Вспоминать мне было интересно, на бумажку я выписывал имена своих сослуживцев, офицеров, имена ассоциировались с событиями, с какими-то интересными деталями, забавными случаями. Я ловил себя на том, что, глядя в потолок, часто улыбаюсь, вызывая беспокойство родных за моё душевное здоровье. Вспоминая эти два года, мне показалось, что многое могло бы быть интересным и другим, по крайней мере тем, кто меня знает. Так собственный организм и неокрепшая украинская медицина подтолкнули меня к изложению на бумаге.

Одна из причин, почему я таки решился предать писанину гласности – язык. Много написано книг о Советской армии, есть и о стройбате, но все эти книги, как сказал гений, «взяты целиком из жизни голубей». Даже у Валерия Примоста в «Штабной суке», в книге, которая, по моему мнению, наиболее приближена к реальности, герои разговаривают на языке, на котором могут изъясняться только филологи, да и то между собой. Не говоря уже о «Сто дней до приказа» Полякова или о «Стройбате» Карелина. Прекрасные книги, но хоть убейте меня, не говорят, не ходят так солдаты, не ведут себя так офицеры. Не может прапорщик Бутумбаев говорить чеховским языком. Простой русский язык, часто состоящий только из междометий и мата – таким был настоящий язык многонациональной Советской армии. Сегодня, слава Богу, нет той чрезмерной цензуры, которая существовала в наших странах многие годы. На книжных

полках толкаются локтями Юз Алешковский, Эдуард Лимонов и Лесь Поддеревянский. Это дало возможность попытаться переложить на бумагу язык, которым говорили герои в реальности, без перевода на, да простит меня читающий эти строки, кастрированный литературный. Эти воспоминания не рекомендуется читать тем, кто мат не переносит категорически. А как по мне, это такой же язык, как и другие. Как и другие он пригоден только в соответствующих обстоятельствах. Не все им владеют, да большинству, слава Богу, он и без надобности.

Не мог я использовать и украинский язык. Не могла моя рука заставить Аргири и Зосимова говорить на языке Шевченко и Леси Украинки. Неправдоподобно это, не так они говорили. Кстати о героях. Долго я сомневался, менять или не менять их имена. Решил, не буду, срок давности то уже вышел. И Советская армия не подаст на меня в суд за оскорбление чести и достоинства, так как больше нет такой армии. Нет её, ребята, и это не может не радовать!

Конечно, события изложены так, как их запомнил я, то есть вполне допускаю, что кто-то запомнил их совершенно иначе. Более того, может быть, в чем-то я ошибаюсь, путаю имена, побудительные мотивы, но я старался быть максимально честным. Простите меня те, чьи чувства я невольно задел. Я излагаю события, как я их видел тогда, а не с точки зрения дня сегодняшнего. Юношеский максимализм плохо различает оттенки.

И последнее. У нас с женой две дочери с разницей в 22 года. Одна меня часто уже не слышит, а вторая слушает, но ещё не понимает. Этой книгой я даю себе шанс хоть что-то передать первой и успеть рассказать второй. Так что пусть простят меня остальные, но эта книга посвящается моим дочерям и, конечно, жене, которая «ждала, ждала пока не дождалась».

Часть 1. Дух ли?

Лето 2005. Чабанка. Одесская область

– Давай подойдем к тому забору. За ним должна быть моя часть или что там от неё осталось. Всё-таки двадцать лет прошло.

Было очень жарко, на небе ни облака, плотный, тяжелый воздух не шевелился, а только гудел мириадами невидимых ос, мух, пчел и прочих мелких. Смола, пролитая в трещины асфальта ранней весной, расплавилась, к её запаху подмешивался густой медовый запах подгоревшей степи. На выходе из центральных ворот туристического комплекса ЧМП¹ «Чабанка» мы с женой повернули направо, прошли мимо площадки для игры в мини-гольф и оказались около бетонного забора, за которым, по моему предположению, должна была находиться воинская часть, где два года в середине восьмидесятых я прослужил Советской Родине в самых военных войсках – в стройбате.

За забором ничего не было. То есть вообще ничего. Ничем не примечательная одесская степь, глазу не за что зацепиться.

– Такой же унылый пейзаж был правее нашей части, – вспомнил я, – но если это так и мы уже правее, то... то тогда туркомплекс с этими коттеджами, цветами, ручейками, теннисными кортами, мини-гольфом и аквапарком и есть наша территория, территория Чабанского Строительного Батальона?! А главный вход – это наше КПП²?!!

– Да ладно? – довольно равнодушно поддержала мое удивление жена.

«Да ладно?!» – это она у дочери набралась, только в этот раз в ее тоне восклицательных знаков не было, а вот у меня они были, у меня в голове были только восклицательные знаки.

Смех и слезы! Это моя часть?! Быть того не может! Это предположение было до того невероятно, нелепо. Как это ухоженное, радующее глаз и благоухающее цветами место, может быть местом, которое, по моему глубокому убеждению, навеки должно было пропахнуть потными ВСО³, кирзой, невымытыми телами салабонов, гниющими зимой руками наших азиатов, жареной селедкой, гнилой картошкой и одеколоном прапорщика Гены?

– Невероятно! Слушай, давай вернемся назад на территорию, давай снова пройдем через главный вход, я должен это почувствовать. Я убежден, что я смогу, смогу... я не знаю, что я смогу, но я прошу тебя, давай вернемся!

Мы спешили в Одессу на встречу с друзьями, но мы вернулись, прошли снова через турникет и я увидел, я смог увидеть все другими глазами – слева, за грязным стеклом сидели наши строевые сержанты, а справа в коридорчике, где теперь бухгалтерия, дверь в малюсенькую комнату, это наша батальонная «губа». Евроремонт на этот раз не сбил систему координат моего гироскопа. Не сохранилось ничего, но на этот раз я был убежден, я только что прошел через наше КПП...

¹ ЧМП – Черноморское пароходство

² КПП – Контрольно Пропускной Пункт

³ ВСО – Военно-строительная одежда

Май 1986 года. Чабанка. КПП

– А ты слышал, солдат – «дембель в мае проебали – дембель будет в декабре»? Я те дембельнусь, мля, в мае, ты у меня еще снег с плаца будешь убирать БСЛ86⁴. Сука, в натуре, ёпт! Советскую Армию на месяц наебать хочешь? Я ж твои документы проверил, ты же призван, мля, был в конце июня!

Жара. Между КПП и штабом мы с Колей Могилиным стояли по стойке «смирно» перед двумя, как бы точнее сказать, слегка трезвыми майорами: новым комбатом, вернее, очередным новым комбатом и его замом по политической части майором Кривченко, с которым у нас были отличные отношения, насколько отличными они только могут быть у майора с солдатом.

Дело в том, что я и Могила, два военных строителя, старших сержанта Советской Армии собирались сегодня, то что называлось, получить на руки документы. Дембель. Вот так – просто «дембель», и никакого восторга по этому поводу. Рутинка. Мы давно готовы и мы очень спешили. За КПП был 1986 год и мой гражданский начальник Палыч на своем Жигуле. Палыч обещал помочь купить водку и мы опаздывали.

Мы с Могилой были первыми «ласточками» в нашей части дембельской весной 1986 года. План наших проводов был давно разработан, но для его реализации надо было поспеть в один из двух, открытых на весь огромный поселок Котовского, ликероводочных отделов. В стране начиналась антиалкогольная кампания и проблема, где достать водку, занимала умы большей части мужского населения всё то время, которое было свободным от ее употребления.

Кривченко твердо обещал сегодня нас отпустить. Мы уже пятый день были на чемоданах. Кто мог предвидеть, что успеют прислать нового комбата, который ничего и никого не знает, с которым мы не служили и который, к тому же, умеет читать и считать. Слава Богу, он не может в моих документах, грамотный, вычитать, что я еще и восемь раз (!) в отпуске побывал за два года, можно сказать, еще на два месяца сократил свой священный долг.

Новый не знает, что нам «по барабану» все его крики, а вот мы знаем, что нас отпустят, если не сегодня, то, в худшем случае, завтра, ну... или послезавтра. Мы с Могилой настоящие деды, не в том смысле, что «дедушки Советской Армии», если по армейским понятиям, то дедушками по сроку службы мы были до последнего приказа министра обороны СССР. А сейчас мы дембеля или «гражданские». Нам по двадцать шесть лет, у нас есть жены и дети – вот это и делало нас настоящими дедами. И нам пора домой.

Николай из Казахстана, высокий худой парень в очках с толстыми слегка затемненными линзами, которые придавали глазам очень полезное в армии выражение «чё?!». Полгода назад у Могилы к его уже существующему «букету» нашли новое серьезное заболевание и врачи постановили – комиссовать подчистую. Но Колян не согласился:

– Я отпыхтел, нах, полтора года! И теперь получу «белый билет» со статьей? Нах облокотились! Я хочу дослужить и уйти с чистыми документами.

Коля был командиром отделения кровельщиков, хорошим специалистом, УНР⁵ нуждалось в нем. Командование части договорилось, что Коля дослужит до конца, но на дембель уйдет первым.

А я был «аккордником», то есть я выполнил аккордную работу, надо сказать, не первую за свою службу. На этот раз я заново сделал ленинскую комнату в роте, в свободное от служения Отечеству время конечно, и, в соответствии с договоренностью, должен был дембельнуться сразу по окончании работы. Замполит части и замполит моей роты работу приняли – гуляй, как говорится, смело! «Бегунки» были подписаны, долгов перед Советской Армией нет, а есть

⁴ БСЛ86 – Большая Совковая Лопата. Цифра должна обозначать площадь лопаты, но обычно в речи использовался год.

⁵ УНР – Управление Начальника Работ, организация ведущая строительные работы.

даже небольшой приварок – за два года службы на личном счету я накопил аж 114 кровных рублика, так что домой с гостинцами смогу приехать, если после отходной что-то останется.

Дело в том, для тех кто не знает, что солдаты в стройбате были на самоокупаемости, то есть мы работали, получали, так называемую, заработную плату, с нас высчитывали за одежду, за постель, за еду, за проживание, выдавали в месяц рублей по десять, а остальные на личный счет. Многие по окончании службы оставались должны государству и, насколько я знаю, государство исправно отбирало свое у служивых и после дембеля. Но это в том случае, если военный натворил чего или там имущество значительно попортил, например, крановой⁶ свой кран в озере утопил или "шинелку" пропил. А если солдат не виноват в своем долге, то армия находила пути быть справедливой. Например, один раз в год в нашу часть присылали сержанта из стройбатовской командирской учебки. Такому сержанту уже никогда не расплатиться с долгами. Ведь он в армии уже три месяца ел, спал, форму носил, а не работал, дармоед. Такого в нашей части переоформляли с нестроевой в «строевики», то есть выводили из списков стройбата и был боец вечным дежурным по КПП или по КТП⁷. Так и служили у нас, сменяя друг друга, такие сержанты до своего дембеля, их боевой задачей была охрана ворот и воспитание «духов» на карантине во время осенне-весенних призывов. А мы не служили, мы работали и финансовая составляющая в строительных войсках была поважнее политзанятий даже в эпоху напрочь заполитизированного развитого социализма.

Так что нам «по барабану». Когда надо, мы тоже могли в «армию» поиграть. Я:

– Виноват, товарищ майор, права такого не имеете документы нам на руки не выдавать. Расчет мы получили, с довольствия сняты, голодать не намерены.

Даже Кривченко опешил от моей наглости:

– Ну, ты, Руденко, вообще охуел. С довольствия его сняли. А ты когда последний раз в солдатской столовой кашу ел, сученок? Тёха, твой же кореш в хлеборезке, всегда тебе картошечки нажарит на свежем сале, мля.

– Так-то по земельски, товарищ майор, а официально мы голодаем уже который день. Жаловаться буду, меня машина ждет, поеду в Одессу и полковнику Зеленому сообщу о творимом беспределе в вверенном вам подразделении, – это я конечно по-приколу ввернул, Кривченко это знал, а новый то – нет.

– Какому Зеленому, ёпт? – спрашивает комбат у звенящего от жары окружающего пространства, видно великое слово «полковник» произвело свое действие и комбат даже для приличия не обматерил явно зарвавшегося сержанта.

– А это председатель трибунала Одесского гарнизона, товарищ майор, – достаточно ехидно подсказывает ему Кривченко, – С Руденко станется, он хорошо знает товарища полковника. Они познакомились после одного трибунала, когда Руденко, как «кивала»⁸, в приговоре особое мнение написал. После этого полковник решил познакомиться с таким обуревающим солдатом, ну и закорешили, бля.

Подвижное лицо комбата замерло, глаза покинули установленные природой орбиты. Было такое впечатление, что ему в рот, вместо прохладного хрустящего соленого огурчика, попал кусок недоваренного сала со щетиной из солдатского котелка. Мы то хорошо знали, что проглотить такое не просто – сантиметровая щетина упиралась, цепляясь за любые неровности во рту.

– Э-э, ну у вас здесь и порядки, ёпт. Трибуналы... Я у вас здесь, блядь... Я ему увольнительную не дам, – нашел простой выход комбат, справившись с неприятностями во рту, – он до первого патруля только в Одессе и дойдет, сука.

⁶ крановой – крановщик, водитель автокрана

⁷ КТП – Контрольно Транспортный пункт

⁸ кивала – народный заседатель в суде или в трибунале (жар.)

– Ебал он наши с вами увольнительные, товарищ майор, у него маршрутный лист⁹ по всей Одессе с областью. – Кривченко тронул комбата за локоток, – Зайдемте в штаб, товарищ майор. А вы, военные строители, здесь ждите.

– Лучше с Петровым на Майорке, чем с майором на Петровке, – сплюнул Колян.

– Пацаны на Кулиндорово заждались, боюсь, сейчас в часть рванут – разминёмся. Слышь, Могила, а может ну его на хуй, поехали по плану, берем водку и к нам. Отмечаем, гуляем, а эти сами нас искать будут, чтобы документы отдать. Поехали, а то, если с Палычем за водкой не успеем, придется бромбус в Красном доме покупать.

– Геныч, не кипишуй. Куда гулять? Что отмечать будем? Я с сеструхой в Кишиневе договорился, завтра мы у нее. Конфет заебательских домашним накупим и по домам. А без документов, какой нах Кишинев? Подождем, не должен замполит нас кинуть. О, а вот и он...

– Ага, а мы скучамши!..

⁹ маршрутный лист – документ дающий право на свободное передвижение в пределах населенного пункта, который выдавался на срок более месяца, в отличии от увольнительной, выдаваемой на один, два дня

Лето 2005. Одесса

Из Одессы, как Лузановку проехали, на Молодой Гвардии не поворачиваете налево на поселок Котовского, а так прямо по старой Николаевской дороге и продолжаете ехать дальше вдоль моря. После всех этих Фонтанок, Крыжановок и Вапнярок, сразу после Дофиновки справа будет офицерский городок Гвардейский. Стыдно кому сказать, но некоторые девятиэтажки строили мы, военные строители нашего призыва. Простите нас, люди добрые! Ей Богу, не со зла!

Затем по правую руку пойдут воинские части, много частей, много, а уж затем после небольшой степной паузы будет аквапарк, мимо не проедите. А сразу за аквапарком будет и турбаза Чабанка, их территории примыкают друг к другу. Здесь и была наша часть.

Между частью и морем были дачи, мы их называли генеральскими, может они и сейчас там есть, не знаю. Немного подальше и ближе к обрыву над морем были наши УММ, склады УПТК, РБУ, ОГМ¹⁰, а между ними и дачами, практически в двадцати метрах от угла забора нашего стройбата – место, где был убит знаменитый Григорий Котовский. Между прочим, искренне считаю его действительно легендарной личностью. Я разговаривал со многими людьми в Одессе и сделал вывод, что все одесситы, которым в восьмидесятых было по крайней мере за шестьдесят, помнят, как Котовский гостил у них дома, на коленке их качал и в попку целовал, все это хорошо помнят. Без исключений! Вот уж быстрый был бандюк и пристрелил его товарищ, говорили, из ревности.

В этот раз я приехал в Одессу с женой, потому что кроме бизнес-переговоров с одним крупным одесским клиентом, мы должны были повстречаться с моим другом-сослуживцем Сашей Барановым и его семьей, одесситами, но вот уже несколько лет живущими в Канаде. Мы с Барашеком были одного призыва и служили вместе в одной роте в том стройбате и даже работали в одной бригаде. Я думаю, что именно эта предстоящая встреча и подтолкнула меня к идее заказать для проживания в Одессе на этот раз турбазу Чабанку вместо привычной гостиницы Лондонская. Хотелось пройтись по старым местам, найти часть и понастольгировать, хотя бы под забором. Чего я не ожидал, что жить буду буквально на месте нашей казармы.

– ...Лора, ты посмотри, ведь ты тоже была здесь дважды! Слева был штаб, помнишь? В этом же здании казарма третьей роты и медпункт, справа – УНР, дальше налево – первая рота, направо – наша, четвертая. Справа за казармами плац, столовка с буфетом, кочегарка, склады, неработающая баня и нами уже достроенный клуб.

– Ген, поехали. Ребята ждут уже.

Ну ничего, сейчас Сашку встречу, ему расскажу, вот он удивится, не поверит. А завтра вместе с ним сюда приедем и навспоминаемся. MOMента, когда я ему выложу эту новость, я ждал, так сказать, в предвкушении.

И вот после обмена положенными приветствиями, похлопываниями и поцелуями мы уже в ресторане, водочка и закусочка на столе, по первой... – и момент настал:

– ...Саня, представляешь?!!!

– Да, ты что? – довольно равнодушно, и глаза, глаза опустели и даже стали злыми.

– Ты чего?

– Сейчас я так думаю, что у меня украли два года моей жизни.

А я не согласен!

¹⁰ УММ – участок малой механизации, УПТК – участок промышленно-технологической комплектации, РБУ – раствор-бетонный узел, ОГМ – отдел главного механика

1984 год. Киев

20 июня. Среда.

...предпоследний экзамен летней сессии четвертого курса физического факультета Киевского Государственного Университета...

21 июня. Четверг.

...моя свадьба с Ларисой...

22 июня. Пятница.

...последний экзамен на сессии...

25 июня. Понедельник.

«...прибыть к шести часам утра с вещами к зданию районного военного комиссариата»

– Вот это жизнь, пацаны! Бурлит, как смола в аду, – этими дурацкими словами слегка нервно я прощаюсь с друзьями ранним июньским утром под райвоенкоматом. Сил попрощаться с Ларисой нет, она все время плачет, а плакать ей нельзя – через полгода у нас будет ребенок.

Военкомат. Здесь еще все знакомое и родное. Я – ветеран призыва! Военком обещал таким как я выписать специальные медали. За спиной 12 призывов. Мне скоро 24 и на тринадцатый призыв меня таки, как тогда говорили, загребли. Старые спортивные травмы, позвоночник, мигрень и сотни медицинских комиссий – все позади, в этот год загребли всех подчистую. Ей-Богу, сам видел:

– Годен к строевой! – председатель городской комиссии.

– Как к строевой? У него же пальцев нет на правой руке! – захихикала медсестра.

– Стрелять может. Указательный же есть. А мастурбировать в армии по уставу можно и левой. Ха-ха-ха!

В очереди впереди меня, перед финальным длинным столом городской комиссии, в огромной комнате на ДВРЗ¹¹ стоял худющий парень. Я его уже знал, его звали Сережа и он был полностью больной на голову. Пару лет назад он циркуляркой наискосок отхватил себе пальцы на правой руке под таким углом, что указательный был цел, а мизинца вовсе не было. Сережа был добрый парень, но каждый, кто смотрел в его глаза, понимал, что Сережа безумен. И не нужны были результаты анализов со всех тех «дурок»¹², на которых он лежал. Даже сейчас, среди всех нас он выделялся огромным, совершенно сумасшедшим членом, а мы все были в трусах. Последним перед комиссией врачом в этой же комнате был хирург, он приказал снять трусы, а вместо приказа надеть трусы, он только сказал «следующий». Вот Сережа и смешит медсестер.

– Руденко... – недолго полистав толстую папку с моим личным делом, председатель выносит приговор – Годен к нестроевой! В стройбате попашешь, голубчик!

И вот я в последний раз перед родным военкоматом. Через, буквально, двадцать минут я буду уже лысым по дороге на ДВРЗ, а там лотерея – куда попаду? – и другая жизнь.

Что там страшное такое впереди? Сердце сжимается от предчувствий? Да нет, ничего подобного! Проза. Спать очень хочется, голова болит после вчерашнего и очень жалко, пронзительно жалко Лорку – мужа в солдаты, а ей теперь жить в одной квартире с почти незнакомыми людьми – моими родителями.

¹¹ ДВРЗ – Дарницкий вагоноремонтный завод. По его имени назван был и микрорайон, стоящий на таком отшибе, что у водителей такси назывался Парижем, так надо было и говорить, садясь в машину, «мне на Париж». На ДВРЗ находится Киевский городской сборный пункт.

¹² Дурка – психиатрическая лечебница (жар.)

Друзья с Ларисой таки дождались под военкоматом, увидели меня в окне автобуса впервые в жизни лысым. Посмеялись и повели Лорку домой, там их ждал накрытый стол и они продолжали жить привычной жизнью. Мне стало неуютно.

Ну и что там действительно за углом?

Конец июня. 1984. Киев. ДВРЗ

Попал я в числе восемнадцати призывников в команду номер 20. «Двадцатка», ходят слухи, направляется в Одессу, в стройбат. В конце призыва все команды только странные и необычные для нормальной армии. В нашей команде все студенты, всех забрали после летней сессии. Слава Богу, что не попал в «сотку»! Уже здесь, на ДВРЗ мы узнали, что в «сотку» собирают отъявленное зычье со всего Киева, тех, кто не просто был судим и отделался условным сроком, но уже отсидел, кого менты на сборные пункты только на своих «лунаходах» привозили и под расписку сдавали военкомам, а потом ехали отмечать «День Освобождения» района всем своим отделением. И направляют «сотку» в Белгород-Днестровский стройбат, место, говорят, совершенно гиблое.

Яркий, солнечный день. Все время на плацу, на свежем воздухе, пьянка, легкий матерок стелется над головами, быстрозатухающие драки – не до того сейчас.

Во второй половине дня нашу «двадцатку» собрал капитан, вида нормального, даже интеллигентного. Речь его нас не утомила:

– Недовоенные, нам выпала великая честь быть дежурными по кухне. Айда за мной!

До самой ночи, не приседая, мы расставляли, убрали, чистили, мыли. Сами общее мы не ели, все только от домашнего стола, да и с собой были «тормозки». Спать завалились здесь же, в огромном помещении столовки, прямо на столах, под головы рюкзаки или сумки спортивные, что у кого было – вот и вся постель. Первая ночь в армии прошла беспокойно, даже невзирая на хронический недосып за последние ночи, мне не спалось. Спать на твердых столах было очень неудобно, непривычно, только к утру я, кажется, на полчаса забылся.

Утром подъем в пять, умылись на кухне и все заново – завтрак, уборка, обед, уборка. Мы все время что-то носили, резали, грузили и мыли, мыли, мыли. Для выполнения какого-то очередного задания министра обороны мне в пару попал Сергей Войновский, с которым мы впоследствии скорешились на все два года.

– Ну, что Серега, будем друг-друга держать?

– Бум! – многословностью он не страдал.

Уж не знаю, чем я Сереге приглянулся – рост 182, вес всего 64 кг, в довольно дурацких очках, а вот он мне сразу пришелся по душе – боксер в «тяже», как он представился, после второго курса КИСИ¹³. Не знаю как КИСИ, а боксер это правильный выбор брата в стройбате.

Вечером после тщательного шмона, нашу «двадцатку» повели на ближайшую ж/д станцию, где мы сели в электричку и поехали на центральный киевский вокзал. С нашим капитаном наша команда чувствовала себя достаточно свободно, мы с Серегой вышли в тамбур перекурить и там в тамбуре я неожиданно встретил свою родную тещу, пять дней уже, как родную. Оказывается мои родители приезжали на ДВРЗ, повстречаться со мной им не дали, но они узнали, в какой я команде, куда и когда нас направляют. Сообщили теще, которая жила под Киевом, и все они договорились встретиться на вокзале и провести меня. Прямо в тамбуре теща передала мне бутылку и закуску, что сыграло свою особую роль в моей судьбе.

Тогда я еще не знал, что одно из, возможно, самых страшных и опасных своих армейских приключений я переживу уже по дороге на службу военную.

¹³ КИСИ – Киевский инженерно-строительный институт

Конец июня. 1984. Пассажирский поезд Киев-Одесса

На платформе Киевского центрального вокзала мы наконец-то получили стопроцентную информацию, куда едем. На вагонах таблички: «Киев – Одесса». Разведка не обманула. В Одессе я уже дважды бывал, но относился я тогда к этому городу без особого восторга, он мне казался грязным и очень провинциальным.

Нас быстро затолкали в пустой плацкартный вагон. Благодаря стоящей на платформе тётке, мои родители с Ларисой быстро отыскали нужный вагон и мы с двух сторон начали переговоры с капитаном с просьбой дать нам возможность попрощаться, особо упирая на то обстоятельство, что я женат только пятый день. Но в это время обстановка на платформе сильно изменилась. «Сотка»! Было их человек под сто и их сопровождали офицер и два сержанта. Не всех этих пацанов можно было затолкать в вагон так же легко, как нас, студентов. На платформе царил настоящая вакханалия, здесь появились, также как и мои, хорошо информированные родственники, друзья призывников из «сотки», замелькали бутылки, стаканы, кульки, авоськи, яйца, куры, «кони, люди»...

Мы, наша команда, компактно заняли два предпоследних купе, последнее занимать не стали – близко к туалету, а в начале вагона в первом купе наверняка будут офицеры, а у нас с собой, как говорится, было... так зачем нам неприятности? Вагон медленно, но верно заполнялся. Первые ребята из «сотки» заняли последнее купе, а там постепенно и остальные подтягивались, но самые отчаянные были все еще на платформе, они начали пить уже там. Остановить их было невозможно.

Вагон являл собой наглядный пример броуновского движения, все непрерывно перемещались в поиске знакомых или лучшего места. Мы были в предпоследнем купе и не сразу обратили внимание на парочку пацанов, которые дошли до последнего. Оттуда раздались крики:

- Кто занял, бля? Ты, убогий?
- Я! А ты чё, за главного?

Переговоры не затянулись, послышались хрусткие звуки сильных ударов. В шесть секунд купе было свободно – новенькие победили.

Офицер «сотки» на платформе пытался загнать в вагон последних. Мой отец уводил наших с ним женщин с перрона, от греха подальше. Атмосфера явно накалялась. Толпа провожающих была на взводе, но пока не особо агрессивна. Офицеру «сотки» дали в челюсть, но не сильно, ладошкой, так – для проформы, только фуражка свалилась.

- Военные, ко мне! – слегка паникуя, ненастойчиво крикнул он.

Но ему на помощь сразу пришли два его сержанта, выскочил из вагона и наш капитан. Всем вместе им удалось под смех и улюлюканье толпы загнать оставшихся будущих защитников Родины в вагон. Человек шесть-семь из них сразу прошли мимо нас в последнее купе, среди них были мужики по виду, я бы сказал, лет за тридцать. Подгоняли их сержанты, один из них бубнил:

- Вы, парни, зря нашего старлея цепанули. Он злой, он на вас теперь в части танцевать будет. Там вам хана, земели.
- А ты нас не кошмарь. Твой старлей еще у нас за щеку брать будет.
- А, ну, ну... – проводив до конца, сержанты вернулись в начало вагона, где они вместе с двумя офицерами и заняли первое купе.

Только они ушли, к последнему купе подвалили те пацаны, которые уже получили в голову до этого. На этот раз их было больше, пришли с подпиской¹⁴, среди подписки читались ребята авторитетные, тревожные:

¹⁴ подписка – защита, поддержка (жар.)

– Эй чуваки, нам кореша это купе сразу заняли, а вы их обидели. Нехорошо!

– А ты кто, уважаемый? Обзовись.

– Я Кора с Татарки.

– Ну вот видишь, таких здесь не сидело. Здесь Подол, Воскресенка и Соцгород.

И опять, без паузы, раздались страшные удары, очень сочные, с противным хрустом, от звука которого слабели руки и ныло под ложечкой. Я сам был из Соцгорода и драк видел немало, до определенного возраста сам много дрался, но здесь били по-другому. Я знал, что «до первой крови» и «а ты кто такой» прошли вместе с детством, но такое, чтобы бить до конца, насмерть, я видел впервые. Это даже близко не напоминало то, что мы видим в кино. Здесь, когда противник уже повержен и явно сдался, его добивают, не оставляя ни шанса, при этом не сдерживая ни в коей мере силу удара. До конца!

«Как они не боятся убить?» – помню, подумал я тогда.

Слабые отступили. Поезд тронулся. В последнем купе начиналась пьянка. Услышав: «Суся, бухла навалом, метнись по вагону собери закуску, бациллу¹⁵ там, зелень», – мы в нашем предпоследнем не спешили открывать свои баулы. Дохлый, прыщавый Суся, глянув на нас и наш пустой стол, прошел дальше. Меня просто валило в сон. Я нормально не спал уже пять ночей.

Сразу после свадьбы, в нашу первую брачную ночь у нас с Ларисой хватило только сил, сидя на разложенном и застеленном диване, пересчитать подаренные деньги. Ночь оказалась короткой – конвертов было много и свадьба удалась. Но в последующие ночи я старался отыгаться и за прошедшую первую и на два года вперед, плюс сессия, проводы.

Из соседнего купе тянуло благодушной атмосферой и я, напялив на голову капюшон штормовки, была такая одежда в те годы, постарался заснуть.

– Не-е, это не он, – с меня сдернули капюшон, я проснулся.

Из нашего купе, качаясь не в такт с вагоном, выходили две спины. За окном уже темно. На меня смотрело десять пар испуганных глаз нашей «двадцатки». Я почувствовал, что атмосфера в вагоне изменилась, наверное вместе со степенью опьянения «мальчиков» в последнем. Я проспал, похоже, час, от силы полтора.

– Вот он, падла! – кого-то незнакомого потянули в последнее купе. Оборванный крик и опять эти ужасные звуки сочных ударов.

Там играли в карты и непрерывно кого-то били. Я старался опять заснуть и я бы смог, до того я был уставшим, но я сидел вторым от окна, прислонясь к перегородке как раз с последним купе, а били там иногда этих «кого-то» наверное головой о стенку. Тонкая перегородка общего вагона ходила ходуном и заснуть не было возможности физически, так как голова моя и плечи все время отскакивали от, изгибающейся под ударами, перегородки.

По проходу в сторону кошмарного места прошли два гражданских мужика. Мужики были крепкими, лет по 40–45, наверное, они искали вагон с буфетом, добавить. Но не тут-то было:

– Стоя-ять залетные! Выход платный!

– Пошел нах, сопляк!

– Ну вот и пиздец тебе, бычара, приснился! А мог еще и пожить.

Оба мужика отлетели назад за уровень нашего купе, а в просвете возникла жирная, огромная фигура, которая полностью собой закрыла проход от перегородки между нашими купе до перегородки между боковыми местами. На жирном лице сияла дебильная улыбка. Дебил свои руки положил на верхние полки нашего отсека и бокового места. Мужики оказались не робкого десятка и бросились на фигуру и похоже, что вдвоем без труда одолели бы

¹⁵ бацилла – колбаса (жар.)

её, но дело в том, что драться в вагоне, в определенных местах по крайней мере, могут только двое противников, большему числу не развернуться.

Жирный опираясь на руки, неожиданно ловко для своего грузного тела, подтянулся и что есть силы ударил ногой первого в грудь. Тот рухнул, а жирный, не останавливаясь, сделал один шаг и прыгнул на грудь и живот поверженного соперника, в нужный момент поджав и выпрямив свои ноги для придания им максимального ускорения. Удар был страшным. У жирного явно был опыт драк в ограниченном пространстве и бил он не давая шанса противнику подняться, по крайней мере, в этот день. Вообще было такое впечатление, что тормоза у людей полностью отсутствовали.

Фигура второго исчезла из нашего поля зрения, он убежал в начало вагона. Жирный, находясь напротив нашего купе, повернулся к нам и сделал страшную рожу, затем показал пальцами «козу» и оскалился:

– Не-е с-сцать! Лекарь мелких не обижает, – ушёл.

За телом мужика пришли сержанты. После их ухода появился старший лейтенант, голос у него заметно дрожал:

– Ну, вот что урки! Или вы утихомиритесь и я беру ответственность на себя, довезу вас до части или я вызываю наряд и вы все назад в зону – мужика вы уделали.

– А нам всем лучше в зону, чем в армию. На тюрьме мы дома. Так что ты, старлей, жуть не нагоняй¹⁶, а бухни с нами и не обижайся, – видно, они опять добрые, их настроение двигалось по спирали.

– Пить я с вами не буду. В части позже поговорим, не успокойтесь – сгною, сучары бешеные! – последнее как бы про себя.

В ответ смех и свист, старлей ушел.

Свет в вагоне погасили, но глаза режет, я засыпаю... Удар в перегородку:

– Суся, ты будешь в рот брать, блядь, или нет? Соси давай.

– М-м-м.

– Рот открой, фуфломётина, рот открой, я сказал!

Удар, моя голова опять отскочила от перегородки. Суся? Это значит, наступает последняя фаза, если они уже своих насилуют. Я встал.

– Ты куда? – с испугом шепотом спрашивают мои студенты.

– Не могу, сил нет больше, спать хочу.

– Ну и...?

– Место пойду поищу, – я забрал свою сумку и вышел в проход, очень не хотелось, очень страшно было поворачиваться спиной к кошмарному купе.

Свободных мест видно нигде не было. Вернуться назад, идти к ним лицом было еще хуже. Встретиться глазами – возможным мне не представлялось. Шансов после этого у меня бы не было. Мы были разобщены и деморализованы, во всем вагоне стояла омерзительная вонь подавленности и страха – кто следующий?

В третьем от начала купе я увидел свободную третью, багажную полку. Свободной, конечно она быть не могла, место козырное, так как сидеть на ней было невозможно – она была под самым потолком – место это было лежачим и понятно, что хозяин этого места сейчас просто сидел со всеми внизу. Ребята, практически в полной темноте, тихо перекусывали.

– Пацаны, я из «двадцатки», мы дежурили по кухне, ночь не спали. Сил нет – спать хочу. Дайте прикорну у вас на третьей, а как понадобится, вы меня толкните, я освобожу.

– Извини, брат, моя это полка, я уже сам спать собираюсь.

¹⁶ кошмарить, нагонять жуть – пугать (жар.)

Ни шанса. Я даже не стал канючить, что я женился только пару дней назад: «Ну вы, мол, должны понимать, пацаны...» – хотел, но не стал. И бесполезно, и стыдно. Но тут, должно быть ассоциативно, я вспомнил о тещином гостинце:

– Так я ж не за так. С меня пляшка вашему столу! – я вынул бутылку.

– Водяра?! Вот это да, это подогрев! Давай земля, лезь кемарь¹⁷, считай часик у тебя есть, – обрадовались парни, видно их выпивку давно отмели¹⁸ оголтелые.

– С нами буханешь? – напрасный вопрос.

В одно движение я оказался наверху. Последнее, что слышал:

– Ты можешь сообщить бригадиру, чтобы он с той стороны поезда закрыл наш вагон? Мы туда уже не пройдем, а я боюсь, что они рано или поздно ломанутся к гражданским в соседние вагоны. И тогда будет полный пиздец! – это наверное кто-то из офицеров нашему проводнику. И снизу только последние слова, но тихо:

– ...это бакланье¹⁹... ..беспредельщики... ..уроем в части... ..да мы....

Оглушительная тишина. Я проснулся, проснулся, наверное, от этой тишины. Вынырнул. Потом пришли звуки, обычные звуки ночного полустанка: гудки, отдаленные голоса селектор-ной связи, шипение воздуха из пневмошлангов. Я люблю эти звуки, они для меня очень уютные – дорога. Постепенно приходя в себя, начинал соображать, кто я, с «где я» получалось хуже – ну не может сто человек спать не дыша, тишина в вагоне была мертвая. Сюрреализм какой-то. Я повернулся и свесил голову, в неясном свете полустаночных фонарей увидел пустой вагон, абсолютно. В вагоне не было ни одного человека, кроме меня.

– Пиздец! Я дезертир, отстал от своей команды, – подумал я спокойно, паника пробира-лась в мой организм сквозь сон, медленно и нестрашно.

И тут вдруг вагон начал наполняться новыми звуками. Сразу, резко, много и шумно. В вагон вваливалась толпа, она шутила, смеялась, но очень нервно, смех был чересчур громким, дерганым. Свесившись в проход, я, молча, смотрел на входящих. И вот первые увидели почти под потолком вагона мою голову. Первые смеяться тут же перестали, в их глазах испуг, они остановились. Сзади продолжали напирать и шуметь, постепенно все больше людей понимали, что впереди что-то не в порядке. Ко мне ближе, чем на ширину купе, никто не смел прибли-зиться. Сквозь толпу пробился в испуге наш капитан:

– А ты кто, боец?

– Руденко.

– Из какой команды?

– С «двадцатки».

– И ты что, все это время был в вагоне?!!

– Да. Я спал как убитый. А, что случилось, товарищ капитан?

– Я с тобой сейчас седею, солдат. «Шо случилось?» – передразнил он меня – Ты не просто спал как убитый, ты должен быть убитым в натуре. Охуеть! Ну, считай день рождение у тебя сегодня. Запомни этот день. Это пиздец, это ж мне тоже зона снилась бы, точняк! – никак не мог он успокоиться.

Я спрыгнул вниз.

– Да что произошло? – голос у меня был не моего тембра.

– Так, потом ему всё расскажите, а теперь команда «отбой», полувоенные! – но меня сгребли пацаны из моей команды, с ними был и Серега и поволокли меня к нашему предпо-следнему купе.

¹⁷ кемарить – спать (жар.)

¹⁸ отметать – отбирать (жар.)

¹⁹ бакланье – судимые за хулиганство (жар.)

Всем не терпелось рассказать мне, что же случилось. Я был для них лакомым кусочком – единственным слушателем на весь вагон, все остальные могли быть только рассказчиками. Как их распирало! Вначале солировал Серега:

– Ну, как ты свалил, эти не прекращали буяннить. Цепляли, кого могли. Но потом там какие-то непонятки у них между собой случились...

– Да они в карты начали людей ставить, потом их пиздить, а потом по приколу кто-то себя поставил и проиграл. Ну, здесь и началось, мля. Мало не покажется.

– Да нет, там вначале Сусю этого проиграли, а потом толстого – они же его порезали.

– Они хотели ломануться в другие вагоны, но поняли, что вагон с их стороны закрыт.

Окно из тамбура в «гармошку» разбили с ноги...

– А ты что, там был, ты видел?

– Да слышал я! А потом они не смогли разбить окно из «гармошки» в другой вагон, места для замаха, наверное, не было...

– Представляете пацаны, что они бы там натворили? Это вааще!

– Они и здесь немало успели.

– Концом, они между собой резаться начали, кто-то крикнул нашему капитану, что если им, типа, дверь не откроют с их стороны, то они всех в вагоне вырежут. Ну, наверное, как-то там сообщили куда следует. Поезд на мелкой станции остановили. И капитан приказал всех людей выводить.

– Старлей еще орал, что нельзя так, убегут все. А наш капитан сказал, типа, пусть все хоть на хуй убегают, зато трупов не будет.

– Нас выпустили. А вагон и с нашей стороны закрыли. Через минут двадцать ГАЗон «шестьдесят шестой» подкатил и высыпали оттуда краснопогонники...

– Где их только нашли ночью?

– Ну, дверь со стороны этих придурков снаружи открыли, они оттуда и повыпадали. Солдаты стали в полукруг с калашами²⁰ наперевес...

– А те, мол, мы в армию не пойдём, мы домой, на зону. Глаза бешеные, все в кровище. Этого толстого за руку выдернули с тамбура, он как ебанется со всей высоты об асфальт, платформа то низкая.

– А я как увидел этого толстого, так и обалдел. Его к колесу прислонили, а у него, вижу, майка задралась, а живот разрезан, – это Серега опять вступил, – я к нему, а один из этих с бритвой на меня – прыг. Откуда у него бритва?

– Эти ошпаренные начали прыгать на солдат. А у тех лица равнодушные, спокойные и действуют как автоматы. Когда на них дергаются, то тот солдат, что ближе, ловко так, переворачивает свой калаш одним движением – и прикладом в лоб. Все! Отключка. Секунды – и делу конец.

– За руки, за ноги, побросали они это мясо в кузов. Часть тех умных, что на солдат не дернулись, менты к себе приняли, а жирного в скорую погрузили. Еще с полчаса врачи оказывали помощь разным пацанам, сильно битых много, все из «сотки».

– Еще того мужика с поезда сгрузили, которому жирный на пузо наступил.

– Ну а потом дали команду заходить в вагон, а там твоя рожа! Мы обалдели!

– Как ты жив остался!? Как они тебя не заметили? Где-то минут с двадцать ты с этим зверьем в вагоне сам был. Точно на свет народился.

– Они ж тебя и в заложники могли взять.

Еще долго все вспоминали леденящие душу подробности, подробностей становилось всё больше и больше. Всё больше становилось смелых, которые говорили, что еще, типа, пять

²⁰ калаш – автомат Калашникова (жар.)

минут и они бы дали им всем. Это все нервы. Но для меня гомон постепенно затихал. Я снова спал глубоким сном.

Единственного слушателя не стало.

Следующее утро. На подъезде к Одессе

Наш поезд сильно опаздывал. Утром все заходили к нам в купе посмотреть на меня. Я был не меньшей знаменитостью, чем все эти вчерашние «герои». Обо мне рассказывали тем, кто меня не видел в поезде ночью при заходе, постепенно меня окутывала слава отчаянного смельчака. Стране нужны были герои! Но героем я не был.

Последнее купе, невзирая на нехватку лежачих мест, оставалось полностью свободным, это было проклятое место. Я прошел его, стараясь не смотреть. Я пошел умыться и почистить зубы в туалет и там был полностью сражен видом этого железнодорожного удобства. Стекло в окне пытались разбить, оно было в трещинах. Внизу кругом кровь. Найдя место почище, я широко расставил ноги для устойчивости, снял очки, положил их в карман, выдавил зубную пасту на щетку, засунул молочный кулек, в котором были все мои сантехнические принадлежности в другой карман спортивных штанов, наклонился и, как мы это делаем все, когда чистим зубы, посмотрел в зеркало. Видно было плохо, зеркало было грязное. Я почистил зубы, умылся и надел очки. У меня вмиг помутилось в голове. Зеркало было не просто грязное, оно было все в миллиарде очень маленьких, мелких эквидистантных точек, с ярко выраженной центральной симметрией – центр был строго в геометрическом центре зеркала, дальше точки уходили на периферию, увеличиваясь в размере от миллиметра в центре до трех по краям зеркала. Это была запекающаяся кровь. Мое представление сразила сила удара, необходимая для создания такой ровной картинки, поражал воображение человек способный в таком замкнутом пространстве нанести такой удар. Ноги слабели. Где труп?

Вернувшись, я бросил вещи и решил сходить в то купе, где я скоротал вчерашний вечерок. Хотелось поблагодарить пацанов за гостеприимство. Картинка в том купе оказалась неожиданной. На столе стояли стаканы и один из парней разливал в них шмурдяк из фауста²¹.

– О, а вот наш герой!

– Да, пацан, повезло тебе. Мы бы тебя точно порезали, если бы нашли. А так извини, в следующий раз, – пошутил неприятный тип с испитым лицом.

– Давай, бухни с нами.

Разливалось только в три стакана, но остальные парни в купе, похоже, и не возражали, сидели смирно, подчеркнуто равнодушно глядя по сторонам.

Оказывается, одним из моих попутчиков ночью в новом для меня купе был член этой блат-компании, но еще в начале вчерашнего содержательного вечера, после первых же серьезных побоев он сказал, что у него есть ребенок и назад в зону ему нельзя. Он от тех и ушел, и его отпустили, он был авторитетным человеком, как я понял. А утром, совершенно неожиданно для всех, в купе появились двое парней из тех, из конченных, они пришли к своему дружку. Это были как раз те, кого на перроне забрала к себе милиция, а не краснопогонники.

– Да нас просто побуцкали, вон все ребра синие, и бросили в «стольпин»²², он там впереди прицеплен. Менты сказали: «служите, суки, может и из вас люди еще будут». Просто наивняк по бездорожью, – рассказывал радостно испитый.

– Да погуляли! Ну, за здоровьице, бродяги! – Он передал один из стаканов мне, а сам выпил остатки прямо из горла.

Я до сих пор не понимаю, когда, где, как они нашли выпивку, находясь под конвоем по дороге со «стольпина» в наш вагон, но спрашивать тогда не стал. Я выпил.

Наш поезд втягивал в себя одесский вокзал.

²¹ шмурдяк из фауста – дешевое вино в бутылке объемом 0.75 литра (жар.)

²² стольпин – вагон для перевозки заключенных (жар.)

Август. 1988. Под Киевом на Днепре

– А еще у нас один прапор был, так он... – следующую историю начинает Олег Мельник по кличке Шкаф. Мы сидим у костра, я, Шкаф, наши жены и комары, много комаров. Мы сидим на подстилках, а комары на нас. Это то чудное время на природе, когда шашлыки уже съедены, песни спеты, гитара отложена. Благодаря запасам из коллекции Шкафа, пьем мы популярный несколько лет назад у туристов коктейль – смесь лимонного ликера с белым «сухариком»²³, типа «Алиготэ» или «Ркацителли» и травим истории. Конечно истории травим мы со Шкафом, а жены только слушают.

Олег на самом деле большой и широкий как шкаф. Однажды мы, наша дворовая соцгородская, но благополучная, по нашему мнению, компания, послали его и его лучшего друга Гуляшика за выпивкой. Мы, остальные, сидим на лавочках под подъездом, ждем. Наконец идут, впереди маленький Гуляшик сразу за ним Олег. Но видим, что у них у обоих подозрительно пустые руки. В ужасе Саня Крассовский спрашивает:

– А водка где?

– В шкафу, – походя кивает рукой Гуляшик назад, на Олега, тот распахивает полы своего пальто и мы видим четыре бутылки (!) водки во внутренних карманах, по две в каждом. С тех пор он – Шкаф...

Был Шкаф. Ни Гуляшика ни Шкафа нет больше на этом свете, их срок оказался по-разному, но коротким.

Мы часто со Шкафом оказывались в походных условиях. Еще до моей службы в армии. Он и Гуляшик работали в те времена поммастерами ткацкого цеха на «пятьсот двенадцатом»²⁴ заводе. Работа у них была трехсменная, а следовательно они со своими сменами, по закону, имели иногда длинные выходные. У завода был свой корабль, да и не корабль, а так речной трамвайчик под названием «Горизонт». При хорошей погоде летом вся смена на длинные выходные выезжала на природу, обычно или на один из днепровских островов, коих множество под Киевом, или на берег Десны. Наши друзья приглашали Крассовского и меня!!!

Не поняли?

Ткацкий цех! Шкаф, Гуляшик, Крассовский, я и пятьдесят ткачих, молодых девчонок! Наше дело было мужское – палатки, дрова, гитары, ну а они – всё остальное. Все девчонки были из сел, поэтому самогонки было много, пить они все умели, а самое главное, живя в общагах, они все замечательно готовили. Кто ходил в походы? Тогда представьте, вы просыпаетесь этак в двенадцать часов утра, а вас на подстилочках ждёт... свежий наваристый настоящий украинский борщ из домашнего петуха. Самогонка, свежая зелень... Какая грязная посуда? Мужики были на вес золота. Нет, с женами, я вам скажу, это не поход.

– ...А я помню, захожу я с бригадой через наше КТП, а навстречу...

– Гена, извини, задрали вы уже со своей армией, надоело. Что в жизни другого ничего не было? – недовольна моя жена.

Мне на помощь приходит Шкаф:

– Лариса, вот нам с Геной под тридцать лет... – ранил Шкаф, – отбросим из них первые семь, как годы, которые мы, практически, не помним. Затем десять лет школы, в которые и жизни то не было, была одна только школа. Все началось потом. И из этих оставшихся несчастных, примерно, десяти лет по два года мы провели в армии. Несложные математические рас-

²³ сухарик – сухое вино (жар.)

²⁴ пятьсот двенадцатый – завод химволокна, по всему Союзу со времен войны номерные заводы местные жители называют по номерам, а не по названиям. Например, побратима киевского завода химволокна в подмосковном Клину и сейчас называют «пятьсот десятый».

четы приводят нас к выводу, что в сапогах мы были двадцать процентов своей реальной жизни, каждый пятый день. И как же их не вспоминать? – убил Шкаф.

Поммастера много читал и излагал стройно.

Сейчас мне под пятьдесят, а я, как оказалось, многое помню и по сей день. Было хорошо.

Лето 1984. Одесса

Мы приехали куда-то под Одессу, недалеко, со стороны моря. По дороге я увидел знакомые места – Молодая Гвардия, Лузановка. До этого я бывал в Одессе только в пионерских лагерях. После шестого класса – в очень приличном под названием Молодая Гвардия, его называли украинским Артеком. Был я там зимой, погода была мерзкая, мряка, мокрый снег. Немногие экскурсии в Одессу были скучными, город показался невзрачным, лишённым каких бы то ни было красок. В лагере мы носили одинаковую серую форму и учились в школе. Помню, все классы носили имя молодогвардейцев, молодогвардейцев, которые были в жизни отличниками. Мой класс носил имя Маи Пегливановой, я о такой у Фадеева и не читал²⁵. Так вот каждый урок начинался с переключки, первой называлась учителем фамилия молодогвардейца, дежурный по классу должен был встать и сказать, например в нашем классе: «Мая Пегливанова погибла смертью храбрых в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками», далее следовали остальные ученики уже по алфавиту. Если ты был уверен, что урок выучил на отлично, то мог, подняв руку, заявить «отвечаю за Маю Пегливанову», в этом случае оценку ставили и ей и тебе – погибшие смертью храбрых молодогвардейцы как-бы живы и они среди нас. Я быстро смекнул, что других оценок, кроме одной определенной, молодогвардеец получить не может по определению. С этим было настолько строго, что уроки учить смысла уже не было. До того, как это смекнули другие, мой временный табель был полон пятерок. В Киев я тогда вернулся круглым отличником, а по правилам все эти оценки в родной школе должны были быть отражены в классном журнале.

А после восьмого класса я побывал в неприличном лагере, в лагере спортобщества Динамо на 7-ой станции Большого Фонтана, где мы жили в отремонтированном коровнике и под руководством местных пацанов ходили на пляж, купались свободно, а не по свистку, в море, пили вино, воровали креветки у торговки напротив трамвайной остановки. Там я начал курить. Я писал домой письма, чтобы прислали денег на почту до востребования, так как рубчики, которые мама вкладывала в письма, все воровали. Очень хотелось кушать, то, что давали в столовой, есть было решительно невозможно. Родители не верили – я же писал им из советского пионерлагеря. Помню, когда наш поезд подъезжал уже к перрону киевского вокзала, меня в окне увидели встречающие родители, они побежали за останавливающимся вагоном и отец радостно руками показывал на свои щёки, мол, – «как ты поправился, сынок, а писал то... ну юморист!» Шок у родителей был, когда они рассмотрели меня поближе, вышедшего из вагона. Скулы мои были сильно опухшими. Домой я вернулся со свинкой, в том смысле, что с острой инфекционной болезнью.

Вот с такими приятностями я и ассоциировал Одессу. А сейчас меня встречала степь, бледное белое солнце и одиноко стоящая воинская часть. После утреннего стакана вина было как-то невнятно в голове и тоскливо на сердце. С такими ощущениями я вместе с остальными бойцами нашей команды и пересек черту, разделяющую жизнь обычную и жизнь «по-уставу». Всё. Началось! Всю дорогу казалось, что может как-то ещё пронесет – не пронесло.

Ну, где у вас тут Родину защищают?

²⁵ у Фадеева не читал – имеется ввиду роман Александра Фадеева «Молодая Гвардия»

Лето 1984. Чабанка. Первый день в части

Перед зданием слева от ворот нас построили в две шеренги. Вышел какой-то майор, это был майор Алданов, как я узнал вскорости, начальник штаба батальона, злющий осетинец, в этот день он дежурил по части. Наш капитан доложил ему о прибытии партии призывников из Киева. В конце рапорта прозвучало, что, мол, происшествий по дороге не случилось.

«Ни хрена себе – не случилось!» – подумал тогда я, – «если для них здесь *это* было не происшествие, то, что же у них тогда происшествие? Картина Репина «Приплыли»!

– Воины! Вы вливаетесь в состав роты карантина, командир роты – лейтенант Меняйлов, заместитель – старший прапорщик Лютый...

– Подходяще! – шепнули сзади.

– Отставить разговоры! Командир вашего отделения – старший сержант Дасев.

– Старший сержант!

– Я! – из жары материализовалась фигура.

– Принять командование! Ведите подразделение в баню.

– Отделе-ение! На пра-а-аво! Шаго-о-ом ... марш! Правое плечо вперед.

Повернувшись, я увидел шептуна – высокий тощий парень с унылым лицом, если смотреть только на нижнюю часть лица, на опущенные уголки губ, а вот глаза были, как бы сказать, со стёбом. Раньше я на него не обратил внимание, а сейчас он мне понравился, а вот сержант – нет. Сержант пугал редкой надменностью на круглом лице и огромной фигурой качка.

Мы повернули налево и не очень стройно пошагали по аллее, вдоль кустарников с двух сторон, пирамидальных тополей и свежеепобеленных бордюров. Метров сорок.

– Левое плечо вперед!

Повернув направо, метров через пятьдесят мы вышли на плац, где маршировали солдаты.

– Отделение!... По команде «отделение», переходим на строевой шаг! Так, военные, будем много тренироваться. Запомните, по плацу военнослужащие могут передвигаться или бегом или строевым шагом... Вольно!

Мы прошли плац. Он был небольшим, как, кажется, всё в этой части.

На площадке между складами и котельной нас поджидали два солдата. Наш сержант зашел в какую-то дверь, должно быть в баню.

– Откуда, военные?

– Из Киева.

– У-у-у! Пиздец вам, вешайтесь лучше сразу, – сказал довольно равнодушно один из бойцов. Они внимательно рассматривали не нас, а нашу одежду. Понятно – шакалы, я о таких читал.

– Э братан, а ты кроссовки не мог поновее надеть?

– Смотри, какая футболочка на пацанчике, олимпийская, блядь. Значит так духи, дембеля нуждаются. Ты, военный, футболочку свою сейчас ныкаешь²⁶, потом постираешь и принесешь в третью роту, найдешь там дедушку Кирмасова. Пнял?

Инцидент не успел развиваться, вышел наш сержант и, не обращая никакого внимания на шакалов, загнал нас в баню.

Помыться я просто мечтал. Постоянная жара плюс ночь в столовке на столах, плюс дикая ночь в общем вагоне, тело было непривычно липким, вонючим, противным.

– Значит так, камеры хранения здесь нет, кто хочет отправить свою одежду домой, скажите ефрейтору, он выдаст вам наволочки, зашивайте, отправляйте. Но я советую не ебать мозги почтальону, бросайте все в угол и забудьте, мода к тому времени, как вы будете уxo-

²⁶ ныкать – прятать (жар.)

дить на гражданку, сильно, парни, изменится. Необходимые вам личные вещи пока заберите в кульки или в карманы. Дальше. Подходите к окну выдачи, называете свои размеры и получаете хэбэ²⁷, пилотку и сапоги, остальное вам выдаст старшина карантина в роте. Время пошло, военные!

– А мыться где?

– А спинку тебе потереть? Воды у нас уже два месяца нет, – лыбится вся в дырках от старого фурункулеза рожа ефрейтора в окне выдачи.

– Баня, блядь!

– Помылись, нах!

Одежды жалко не было, я был готов с ней расстаться. Как надеть чистое на такое тело? Началась кутерьма.

– Сорок восемь, четвертый, сорок второй.

– Сорок шесть. Да откуда я знаю объем головы?

На самом деле ефрейтора все это мало интересовало, выдавал одежду он навскидку, а в конце и вовсе что осталось. Чудные черные сатиновые трусы мне были почти по колено. Галифе оказалось широковато, а так ничего, главное, чтобы сапоги были впору.

Дома в последнюю ночь отец меня учил, что самое главное у солдата в начале службы это ноги. Он учил меня наматывать портянки, это оказалось делом не очень сложным. Мы сделали портянки из куса простыни и тренировались. Удивляло только то, как в этом можно ходить и даже бегать, не натирая ноги, если по сравнению с гладенькими на ногах носками, в этих обмотках ноги выглядели как две культияпки в старом гипсе. Сапог дома не было, поэкспериментировать я не мог.

Лихо обмотав ноги и вставив их в сапоги, я попрыгал, с удивлением отметив, что ногам достаточно удобно. Другие пацаны мучились с портянками, я пытался помочь, консультировал. Одежда на некоторых была сильно не по размеру. Все вместе мы выглядели как-то неуклюже, комично. То еще войско!

Сержант повел нас в роту или, как говорят в армии, в расположение роты. Мы прошли тем же путем, но после плаца повернули не налево, не к штабу, а направо. Такая же аллея и от нее две узкие дорожки направо и налево, ведущие к двум казармам.

– Отделение-е... на месте-е-е...стой! Раз, два! Нале-е-во! Перед вами ваш дом, дом до вашей присяги. Сейчас забегаем в казарму и строимся в коридоре. Отделение, слева по одному, колонной, бего-о-ом... по команде «бегом» сгибаем руки в локтях, наклоняем корпус... бего-о-ом... марш!

На входных дверях в казарму табличка «1 рота». За маленьким тамбуром следует короткий проход, который упирается в, уходящий и направо и налево, коридор. В коридор выходит несколько дверей, а потом правая часть коридора переходит в большое помещение с двухъярусными кроватями, пол сделан из половой доски и только по центру, по всей длине коридора длинной полосой, продолжаясь и в спальном помещении, пол был покрыт линолеумом. Мрачное освещение, грязные цвета вокруг: пол – грязно-красный, стены – грязно-коричневые, линолеум – грязно-желтый и даже запахи были все грязные. Обстановочка была, мягко говоря, угрюмой, какой-то враждебной человеческому проживанию. Напротив входа, на невысокой подставке по стойке смирно стоит солдат, судя по одежде такой же молодой как и мы, справа от него большое зеркало, слева тумбочка с телефоном. Мы построились на линолеуме, с одной из дверей вышел прапорщик, ему доложил наш сержант:

– Отделение, равняйся... смирно! Товарищ прапорщик, отделение карантина прибыло в расположение. Пополнение, товарищ прапорщик, киевляне в количестве 18 человек.

²⁷ хэбэ – от слова хлопчатобумажный, повседневная форма рядового и сержантского составов Советской армии.

– Я старшина роты карантина, военные. Сразу говорю вам, вы попали в строительные войска, в строительных войсках вы за все отвечаете сами. Хорошая армия сейчас вам дала одежду в долг, даст постель и что кушать. Но скоро вы начнете получать зарплату и как люди честные расплатитесь по своим долгам. Сейчас я вам выдам тапочки, погоны и петлицы, эмблемы с нашим гордым трактором²⁸, подшивку, нитки и иголки. Сержант даст вам хлорки, покажет, где подписать одежду, куда пришить погоны и петлицы, как подшить подворотнички. Даю вам час.

Мы вышли на улицу, перед казармой справа находилась курилка – небольшой пятючок асфальта со вкопанной наполовину железной бочкой и деревянная скамья вокруг. Сержант показал место для петлиц и прочих знаков различия, показал, как подшивать подворотнички, как закрепить две иголки в пилотке, намотав на одну из них белую, а на другую черную нитки. Посоветовал сразу проверить, насколько крепко пришиты все пуговицы. Совет был дельным – всё держалось на соплях.

Просто размочаленными зубами кончиками спичек, окуная их в раствор хлорки мы подписали всё: пилотки, гимнастерки, галифе, сапоги, брючные ремни из брезента, даже тапочки, только ремень из кожаменителя, который наружный, с пряжкой, мы подписывали шариковыми ручками.

– Строиться на взлетке!

Взлёткой, оказывается, называется полоса линолеума, проходящая через всю казарму, прямая и длинная, действительно как взлетная полоса.

Старшина выдал нам постельные принадлежности, все новое, кроме матрацев и одеял. Сержант показал место, где должно разместиться наше отделение. Мы с Серегой заняли две соседние верхние койки – внизу уж очень было сумрачно и неудобно. Неудобно было только дотягиваться до тумбочек, в которые мы бросили свои оставшиеся гражданские вещи. Начали тренироваться застилать постель. Все достаточно обычно, как в пионерлагере, но после заправки одеял, все линии надо было «отбить» до придания им прямых углов такими специальными дощечками – гладилками. А три полоски в ногах на одеяле должны были оказаться вровень на всех постелях, в одной линии должны были быть и подушки. Вот она красота, которая спасет мир!

Не успели мы закончить, как казарма наполнилась шумом, топотом сапог, с улицы ломались люди. Пришёл наш сержант, приказал умыться и выходить строиться на улицу. Туалет состоял из двух помещений, сначала проходная умывальная, где посреди комнаты одна длинная труба с кранами на две стороны, под которыми находились некогда эмалированные жестяные раковины, штук так по восемь с каждой стороны. В углу комнаты – место для мытья ног. Горячей воды не предусматривалось. Второе помещение, собственно туалет, слева от входа длинный писсуар, над которым из дырочек в трубе непрерывно текла вода, оставляя несмываемый ржавый след на облупившейся плитке, а напротив, шесть загаженных кабинок с дверьми настолько низкими, что видно было голову сидящего там человека. Выбегая из умывальника, я подумал: «Боже, неужели я вечером доберусь до этого места и смогу помыться, пусть даже только холодной водой, пусть только до пояса!»

Вместе с другими, незнакомыми мне пацанами, но явно тоже салагами, мы вместе высыпали на улицу и неуклюже попытались построиться.

– Ро-ота! Смирно! Вольно! Разобраться по росту! – два сержанта, наш и незнакомый, приводят нас к общему знаменателю.

– Так, рота!... Разойдись! – в недоумении мы только расслабились. – Отставить! По команде «разойдись» боец должен покинуть место, где он стоял в течении трех секунд. Разойдись! – сбивая друг-друга мы разлетелись в разные стороны.

²⁸ на эмблеме стройбата изображен трактор в колесе с якорем под молниями. Что сие значит, для меня осталось загадкой.

– Рота! Становись! Становись – значит надо принять строевую стойку... Военный, – сержант стал напротив одного из наших бойцов, – строевая стойка – значит пятки вместе носки врозь на ширину носка сапога. Сведи пятки вместе, блядина пузатая! Ремень, ремень затяни. Потуже. Туже, я сказал! Ты че, охуел?! Туже!!!

Боец затянул ремень так, что гимнастерка ниже ремня встала горизонтально, как пачка у балерины.

– Разойдись!

– Рота, становись! Медленно, военные. Будем тренироваться. Равняйсь! Смирно! Налее-во! Шаго-ом марш! – снова через плац, поворачиваем налево, направо, – На месте-е стой! Напра-а-во! – перед нами две ступеньки и дверь в столовую – Слева по одному, бего-о-ом... марш!

Мы были среди тех, кто уже знал, что делать, нам оставалось только повторять. Мы вбежали в большое полусветлое помещение, в столовую, которая пахла больше хлоркой, чем едой. Полусветлым помещение было, потому что с трех сторон стены состояли из огромных под потолок окон, но стекла были давно уже непрозрачными от грязи. Рядами стояли столы, каждый на десять человек, с деревянными лавками на пятерых с каждой стороны стола. Мы, как бежали одной колонной, так и заполнили поочередно все места и замерли стоя. На столах уже стояла посуда, алюминиевые миски, ложки, эмалированные шербатые кружки, в центре хлеб, две большие кастрюли и большой алюминиевый чайник на краю стола. Обед.

– Ро-ота! Вольно! Приступить к приему пищи! – только по этой команде мы сели и те, кто сидел в центре стола, открыли кастрюли и вооружились черпаками, в одной было, наверное, первое блюдо, а во второй – второе. Десерта на столе я не увидел. Мне в миску плеснули черпак бурды, как оказалось это была вода с кислой капустой и кусками сладкой картошки. Запашок чего-то малосъедобного. Есть уже хотелось, но не до такой степени. Не освободив миску, «второе» насыпать было некуда, но я, увидев монолитный конгломерат неизвестной мне каши в тарелках моих соседей, жалеть не стал. Был еще хлеб и кисель из чайника, наверное, вместо десерта. Из чего был кисель тоже определить не удалось, но явно что-то из неорганической химии.

– Закончить прием пищи! Собрать посуду.

По этой команде, мы по одному передали всю свою посуду тем крайним, которые сидели со стороны чайника. Они уносят посуду на дискотеку²⁹.

– Встать! На ле– на пра-во! Выходи строиться на улицу!

А теперь нас, наверное, ждет «тихий час». Не помешал бы, кстати. Но вместо этого строем мы отправились на плац.

– Левой, левой, раз, два, три! Левой, левой, раз, два, три!

– Рота!... По команде «рота» переходим на строевой шаг!

Нестроевой это когда просто все идут в ногу, а строевой – нога поднимается высоко, рука полностью сгибается в локте, а сапог впечатывается в асфальт с максимальной силой. Мы тренируемся строевому шагу по шеренгам, по колоннам, по одному, по парам в течении четырех часов, с одним только коротким перерывом на перекур. Перекур был единственным временем, когда мы могли оказаться в тени. Разговаривать сил не было. Жара страшная, вся одежда давно потная, в сапогах неудобно, портянки скукожились в ком. Жуть! Я настраиваюсь, как на тренировку, я спортсмен и физическими нагрузками меня не испугаешь! Давай, давай еще, армия!

Часть казалась пустынной, кроме нас никого видно не было. А мы маршировали и маршировали – отдавание чести на ходу, отход-подход к начальнику. Многим, я видел, было потрудней моего. Сцепив зубы мы старались.

²⁹ дискотека – посудомоечный зал (жар.)

–левой, левой! Раз, два, три!

Что радует, так это то, что всё заканчивается, закончилась и стройподготовка. Нас вернули в расположение роты и дали целых пятнадцать минут на перекур. Закурили. Это были наши первые мгновения в этот день, когда мы могли перевести дух и осмотреться, расспросить тех, кто был здесь уже несколько дней.

– Это фигня, пацаны, это Лютого сегодня нет – упиздил куда-то. Завтра должен быть, пидор гнойный.

– А вы откуда? Киевляне? Так среди нас уже есть ребята из Киева, вон Вовка, Эдик.

– Мы из Казахстана, нас двадцать человек.

– Кароче, мы, бля, из Ставрополя. А вы как? Только откинулись,³⁰ земли, или, бля, чего? – с блатной распевкой надсадным хриплым голосом спрашивает небольшой сутулый парень, – Студенты? В натуре? Охуеть! Маменькины сынки, нах! – презрительно цыкнул слюной на асфальт.

– Зона, заткни хлебало.

Рядом с Зоной сидит симпатичный широкоплечий мужик явно не восемнадцати лет, лицо задубелое, вокруг глаз глубокие морщины, глаза бы можно было назвать красивыми, такие они были кристально-голубые, если бы не были такими ледяными, не улыбочивыми. Кисти его рук были плотно переплетены узловатыми венами, а пальцы украшали синие перстни.

Из короткого разговора мы узнали важные и такие полезные для нас сведения. У всех, кто приехал до нас, присяга будет в это воскресенье, у нас через неделю. После присяги распределяют по ротам, а там по бригадам, по работам. Самая блатная рота – четвертая, но туда берут только спецов. Сейчас в части мазу держат³¹ казахи, их очень много. Заместитель командира роты карантина, старший прапорщик Лютый – человек абсолютно безбашенный, из строевиков, был «черным прапором»³² в Афгане, после контузии списали в нестроевые, прислали сюда, он пишет рапорты, просится обратно в Афган. Наш сержант нормальный, второй – нет, любит гонять духов, получает от этого кайф. Духи это мы до присяги, после присяги – салабоны, салаги бывают только в морфлоте (вот те на!), после полугода – молодые, после года – черпаки, последнее полугодие – деды или, ласково, Дедушки Советской Армии, а после приказа – дембеля или гражданские. До присяги мы еще можем вытворять всё, что угодно, наказаны можем быть только по суду, как гражданские лица, поэтому нас побаиваются сильно наклонять, а подписал присягу – тогда кранты! За всё трибунал: не выполнил какой-нибудь дурацкий приказ – трибунал, послал сержанта подальше – трибунал, а трибунал – это тебе не «наш советский суд, самый гуманный суд в мире».

– Рота! Стройся! Равняйся! Смирно! Так, сейчас у вас пять минут, оправиться, помыть руки и выходить строиться на ужин. Рота! Разойдись! Отставить! Медленно, очень медленно, военные. Вас спасут только тренировки. Разойдись! Время пошло!

«Ну, на фига, – думал я, – надо строить, чтобы приказать разойтись, помыть руки и построится вновь?»

Тем же порядком мы попали на ужин. Я слышал от бывалых армейских гурманов о таком блюде, как жареная селедка, а теперь вот привелось и попробовать. Это были плохо очищенные хвосты соленой сухой ставриды, прожаренные на комбижире. В этот вечер на гарнир подавали отварной картофель. Язык не поворачивается эту сладкую гниль назвать нашим ласковым – картошка. Потом я узнал, что продсклад не отапливается по причине горячего южного климата. Но климат не знал, что он горячий и исправно каждый год замораживал картошку до звука сталкивающихся бильярдных шаров. Как известно, после процесса разморозки, кар-

³⁰ откидываться – освобождаться из мест заключения (жар.)

³¹ держать мазу – быть главным, командовать (жар.)

³² черный прапор – прапорщик-контрактник, доброволец в Афганистане

тошка начинает исправно гнить. Таким образом каждый год с весны и пока картошка была на складе, а это обычно до августа, мы должны были питаться этой вонючей слащавой гнилью. Списать ее не могли.

После ужина нас загнали в ленкомнату роты – комнату, которая напоминала школьный класс, только вместо портретов писателей и таблицы Менделеева все стены были завешаны наглядной политической агитацией. Мы начали хором учить текст присяги. Потом устав. Потом строевую песню. Дали время сменить подшивки тем, кто в этом нуждался. Остальные использовали это время для короткого перекура.

– Рота! Приготовится к вечерней проверке! – все снова построились на взлетке. Переключка. Все в строю. – Завтра в наряд дневальными по роте карантин заступают... – сержант назвал пару фамилий, конечно, пока не из числа моего отделения, отделения сверхновых.

– Рота-а-а! 30 секунд, отбой!!! Время пошло! – оглушительно заорал сержант Дасев. Все кинулись в спальное отделение, возникла страшная неразбериха, люди сбрасывали с себя одежды, как будто спешили на помощь утопающим, наша команда оказалась в полной растерянности, то есть мы конечно раздевались, но к тому моменту, когда все уже были в койках, мы только расстегивали хэбэ или стаскивали сапоги.

– Отставить! – все кинулись с коек с той же сумасшедшей скоростью, наспех натягивая на себя последнее уже по дороге в строй.

– Военные не успевают – будем учиться. Для вновь прибывших пример покажет рядовой Ешорин. Рядовой Ешорин, отбой!!!

Ага, значит так: портянки обмотать вокруг сапог, сапоги под табурет, одежду в строгой последовательности аккуратно на табурет, последними ремень и пилотка, прыжок в койку, замер на спине. Всё! На фига мы выбрали второй ярус?

– Отбой!!

– Отставить!

– Отбой!

– Отставить!... – так повторилось раз десять, если даже один не успевал, вся рота вскакивала вновь и вновь, успеть за тридцать секунд казалось нереальным. Наконец после очередного «Отбой!», кажется, наш сержант просто выдохся.

– Так, рота. Кому надо в туалет или в умывальник может подняться через полчаса после команды «отбой». Всё. Спокойной ночи, товарищи!... Не слышу? – пацаны попытались нестройным хором ответить «спокойной ночи». С третьей попытки это удалось.

– После команды «спокойной ночи»... – о Боже, я и не знал, что это команда такая.

– ...все военные переворачиваются на правый бок. В Советской Армии спать на левом не положено!

– Это, наверное, юмор такой тонкий, армейский, – подумал я. Надо было не заснуть, надо еще умыться и почистить зубы, я просто мечтал об этом. – Полчаса, полчаса, полчаса. Содержательно прошел первый день. Лиц пока я не видел, сослуживцев, за редким исключением, не различал. Времени хватало только на исполнение приказов, голову можно было бы и отключить. Интересно, можно ли ее отключить до самого дембеля? Дембель!

Сны мне не снились.

Чабанка. Карантин. Конец июня 1984

– Рота!!! 45 секунд, подъем!!! Время пошло!

Шесть часов утра, кричит какой-то придурок. Какие 45 секунд? Дикая реальность просто не была способна пробиться сквозь сон. Прошли минуты три прежде, чем все оказались в строю.

– Отставить! – по койкам.

– Подъем! – в строй.

– Отставить! – мы снова в койках – Ну, что проснулись военные? Слушай мою команду: Карантин, форма номер два, выходи строиться на улицу!

По принципу «делай как все» я выскочил в раннее утро в майке, трусах и сапогах.

– Рота! Бего-ом... – руки согнули – ...марш!

Наш сержант побежал рядом с ротой, выглядел он очень крепким малым. Мы выбежали из ворот части и повернули направо и побежали вдоль забора, вокруг части. Часть была действительно небольшой, практически квадратной, со стороны квадрата не больше 350–400 метров, то есть круг – немногим больше километра. Для меня, легкоатлета, это были семечки. Бежать по утреннему свежему воздуху было мне в удовольствие. Помыться бы только после этого.

– Полчаса на туалет, умывание и заправку постелей. Рота! Разойдись!

Уже привычно нас размело сначала в разные стороны, а потом втянуло в казарму. Я сразу решил умыться, а потом уже заняться заправкой койки.

В умывальнике давка. Наконец и я дорвался до воды. В сапогах и в трусах плескался пока меня не оттерли другие, а оттерли через минуту. Так пыль смыл, но тело облегчения не почувствовало. С заправкой постели у меня вышла накладка, когда я вернулся, вернулся после умывания и мой сосед снизу. Им оказался тот парень, что отшил Зону. Вчера мы с Серегой в кутерьме и не заметили, кто спит под нами. Вдвоем, одновременно заправлять койки и вверху и внизу было неудобно. Мы быстро договорились – сначала я заправил, он оделся, а потом он заправлял, а я одевался. У Войновского возникли те же проблемы с Зоной, который оказался внизу. Мирная часть переговоров подходила к своему логическому завершению, Зона уже буром шел на Серегу, растопырив пальцы диковинным для меня образом, как снова помог мой сосед:

– Зона, заколебал ты уже, не кипишуй. Это нормальные пацаны.

– Нормальные, сука-бля, на верхних нарках³³ не живут. Это лохи, Юра.

– Глохни. Не менжуйтесь, парни, – это он уже нам, – я Юра Карев.

Он подал мне первым свою руку. Мы познакомились. А Зона так и представлялся – «Сергеа Зона», судим был по «хулиганке»³⁴, но получил условный и попал в армию. Оказаться на зоне – была его мечта, говорил, что у них станица большая, а сидели все. Казачий край, не сидеть – это запаadlo. Зона очень старался косить под бывалого, именно у него я впервые в жизни увидел «распальцовку». У нас на Соцгороде ещё пальцы так никто не гнул, это потом в девяностых большой палец и мизинец оттопыривал уже любой ботаник. Другим был приятель Зоны Юра Карев. Он был судим дважды: по малолетке и по взрослому, оба раза по уважаемой сто сороковой³⁵. Спокойный лицом и опасный глазами. После знакомства стало понятным, кто из них главный.

– Рота! Приготовиться на завтрак!

³³ нарки – от слова нары, кровати (жар.)

³⁴ «хулиганка» – 226 статья уголовного кодекса за хулиганство (жар.)

³⁵ уважаемая 140 – статья за кражу (здесь и дальше статьи УПК того времени)

– Рота! Выходи строиться! В две шеренги...! Первая шеренга... два шага вперед, шагом марш! Круго-ом! Предъявить карманы и подшивки к осмотру!

Единственный тройка я сразу заныкал за пояс галифе, за остальное я не боялся – подворотничок был практически белым, карманы пустыми. Вдруг, стоящего рядом со мной, парня как ветром сдуло, вот он был в поле моего бокового зрения и вот его уже там нет, только сапоги мелькнули. Я слегка повернулся – держась за горло, он хрипел метрах в трех позади. Его подворотничок не был достаточно чистым и сержант, обходя шеренгу сзади, взялся за этот лоскут и что есть силы рванул на себя. На свое горе парень пришел его намертво. У кого-то из карманов извлекались лишние предметы и тут же выбрасывались просто на дорогу, на асфальт.

На завтрак, кроме пока несъедобной для меня каши «дробь двенадцать»³⁶, были масло, хлеб и чай с сахаром. Мне хватило. После завтрака другие роты пошагали на плац, а наш карантин отвели назад в казарму. Почти все постели были перевернуты.

– Будем тренироваться, товарищи военные!

И следующий час мы осваивали великую науку заправки коек. Если сержанта линии где-то не устраивали, он снова и снова переворачивал всю постель. Наконец и это закончилось, по роте пошел шумок, который неожиданно закончился диким криком дневального:

– Рота! Смирно! Дежурного по роте на выход! – сержант, на ходу застегивая верхнюю пуговицу на своей гимнастерке, солидно засеменял в сторону входа-выхода.

– Товарищ старший прапорщик, рота карантина занимается заправкой постелей. Дежурный по роте старший сержант Дасев.

– Вольно!

– Рота! Вольно! – в спальное помещение медленно, руки за спиной, вошел прапорщик, мужик нормального сложения, слегка сухощавый, немногим выше среднего роста, его только портили близко посаженные глаза, благодаря чему лицо казалось чересчур острым, неприятным. Мы замерли, не зная, что мы должны делать. Он медленно обвел всех нас своими недобрыми глазами, четко развернулся на левом каблуке и тихо скомандовал:

– Сержант, выводите роту на плац.

Ну? И нормальный мужик, доброго сказочника здесь никто и не ожидал увидеть.

На плацу нас построили в колонну по три, было нас всего человек сорок-пятьдесят, я оказался в середине строя, в третьей или четвертой шеренге. Под команды сержантов мы начали ходить по кругу. Отрабатывали строевой шаг, повороты, пробовали запевать. Перекура пока у нас не было. Хэбэшки у всех взмокли, солнце палило нещадно сверху, снизу шел жар от размягченного асфальта.

–левой, левой, раз, два, три!

Через часа полтора появился наш Лютый, первые пять минут он наблюдал за нашими перемещениями по плацу, а потом взял командование на себя:

– Рота! На месте-е-е стой! Раз! Два!.. Кто пошевелился? Командастойкомандасмирно! – кричал это он как одно протяжное слово, я даже не сразу понял смысл. Дальше последовало обращение командира к вверенным ему солдатам:

– Вы духи, вы никто, вас даже здесь нет! Я даже не могу вас выебать. Если кто-то будет жаловаться, что его выебал прапорщик Лютый, это будет неправдой – я не могу ебать то, чего нет. Это диалектика, распиздяи. А ебать я буду ваших сержантов, а они уже вас, потому что они диалектики не знают. А сейчас будем ходить по подразделениям, – при этих словах по рядам прошелестел легкий стон. Мы перестроились в колонну по пять, между колоннами вытянутая рука, между шеренгами два шага.

– Рота! Слушай мою команду, шаго-о-о..., по команде «шагом» корпус наклоняется вперед. Наклонили корпус, я сказал, – он ходил между нами и одним только своим взглядом

³⁶ «дробь двенадцать» – перловая каша (жар.)

наклонял наши корпуса до угла падения... – марш!!! Замерли!!! – строй замер с поднятыми левыми ногами, согнутой в локте правой рукой и вытянутой назад левой. – Держим ножку, носочек оттянуть, нога должна быть параллельна земле, предплечье – параллельно земле. Корпус наклонить вперёд!

Когда уже казалось, что нога вот-вот упадет, сил удерживать ее не было, последовало:

– Раз!

Надо было грохнуть что есть мочи левой ногой в асфальт, поднять другую ногу и замереть. Даже у меня, у привыкшего к спортивным растяжкам ног, с этим упражнением были трудности, а что говорить об остальных. Ноги не поднимались, равновесия не было, прапорщик свирепел, он подходил то к одному, то к другому, орал в лицо с десяти сантиметров:

– Сойди с горшка, военный! Что ты жопу выставил, как проститутка!? Не на панели, бля! Два!!!

Пот заливал глаза. Всего час этого бодрящего упражнения и первый пацан упал в обморок.

– Рота, стой! Оттяните *это* в тень. Пять минут перекур. Разойдись!

– Товарищ прапорщик, его в санчасть надо.

– Здесь я доктор! Если кому-то плохо, то сначала я меряю температуру. Градусник кожный показать?!!

Мы повалились в траву, в тень деревьев, между плацем и каким-то ангаром. В тени хоть можно было дышать.

– Рота! Закончить перекур! Строиться в колону по пять! – перед строем Лютый, внимательно обводит всех глазами и вдруг выбрасывает руку вперед:

– Военный, ко мне!

Не сразу сообразив, что приказ касается именно его, очередной незнакомый мне парень вышел из строя.

– Отставить! Вернулся назад и подобрал окурочек, падла... Ко мне!

Видно, парень не успел докурить и последние затяжки уже делал в строю, что и заметил прапорщик.

– Не погасла? Раскуривай... раскурил?

В свою ладонь прапорщик взял ладонь бойца, вложил туда пылающий окурочек и с силой сжал пальцы. Боец заскулил. Мы пораженные молчали.

– Кто хотел сказать «фашист»?!! Из-за такого пидора, который курил в строю, там за речкой душманы подразделение положили. Жить хотите, суки? Рота! Напра-во! Разобрались для ходьбы по подразделениям. Шагом... марш! Раз! Ногу тянем, ногу!

На этот раз прапорщик вошел в середину строя и начал проверять стойку, подходя к солдатам сзади. Впереди, по диагонали от меня тянул ногу, старался невысокий паренек с неспортивной фигурой и одутловатым лицом. Я уже знал, это Вовка Березов, тоже из Киева, но призывался он не в моей команде, здесь уже больше недели, послезавтра присяга. Лютый подошел сзади к Березе, посмотрел на его потуги тянуть ногу, а потом как даст ему сапогом по напряженной икроножной мышце опорной ноги, – Вовка с ног долой.

– Надо лучше стараться, воин! Выйти из строя! Два!!!

Так прапорщик обходил строй с конца в начало и каждый трепетал в ожидании страшного удара со спины по лопающимся от напряжения мышцам. Некоторые дождались, никто из них не смог после этого стоять в строю.

– Что, устали? Тогда для отдыха круг почёта гусиным шагом. Раз!

Оставшиеся, самые спортивные присели на корточки, сцепили ладони за затылком и, выбрасывая ноги то влево, то вправо, а от этого раскачиваясь действительно как гуси, пошли вокруг плаца. Круга нам хватило.

– А вы, чмыри, – обратился он за нашей спиной к тем, кто не был способен тянуть ногу на уровень его разумения, – упор лёжа принять! Отставить! Резче, товарищи военные. Упор лежя принять! Начинаем производственную гимнастику! Делай раз!

Те, кого прапорщик выгнал из строя, отжимались от раскаленного асфальта. Лютый подходил к каждому, держа руки за спиной, становился напротив таким образом, чтобы солдат, сгибая руки, оказывался под угрозой упасть лицом на сверкающие носки сапог товарища прапорщика. Меня пронесло, силы пока у меня были. Но был это только второй день, да и то первая его половина. Правда, вторая от первой ничем не отличалась.

–левой, левой, раз, два, три!

Вечером после десяти «Отбой – Отставить», наконец последовала команда (!) «Спокойной ночи». Я очень хотел в туалет, до этого как-то времени не было. Итак, полчаса. Главное не заснуть...

– Вы куда, товарищ солдат? – голос Лютого. Кто-то, должно быть, не дождался.

– А можно в туалет, товарищ прапорщик?

– Можно Машку за ляжку, а в армии спрашивают «разрешите».

– Разрешите в туалет?

– Не понял?

– Разрешите в туалет, товарищ прапорщик?

– Не терпится, военный? Давай так: я помогу тебе побыстрее мамины пирожки высрать, а ты потом убираешь туалет. Пнял?!!

Раздалась какая-то возня, потом удар, грохот. Как мы позже узнали, у прапорщика был такой веселый прикол: он ставил бойца в дверной проём умывальника, ровно на пороге, слегка приоткрывал дверь таким образом, что она оказывалась между ним и бойцом, а потом что есть мочи захлопывал тяжеленную цельнодеревянную дверь ногой, боец получал при этом увесистый удар всей плоскостью двери. А вот какой стороной поставить бойца, лицом или задницей, зависело от тяжести его проступка и настроения прапорщика Лютого. Надо быть умнее – я заснул.

Следующий день отличался от предыдущего только тем, что во второй половине дня много занимались текстом присяги, сидя. Многие из Казахстана и язык плохо знали, а некоторые вообще вряд ли в школе учились. За день до этого еще приехало пополнение, человек двадцать из Чечни. Держатся особняком. Наверное, подумал я, это потому, что язык уж очень плохо знают, на русском практически не разговаривают. Да еще в этот день всем парадки выдали, вернее заготовку парадки. Надо было потратить как минимум часа три для того, чтобы сделать из этой заготовки парадную форму одежды, в которой и перед родными показаться не стыдно. Так что вышло и нам облегчение, хоть и было душно в ленкомнате и в бытовке, так хоть не под палящим солнцем на плацу.

Всё это время мы с Серегой не расставались, но если спросить, то свободной минуты и пяти слов сказать друг другу не было.

Да и не до разговоров – мы Родину защищали!

Лето 1984. Первое воскресенье в части

На завтрак два яйца вкрутую и гречневая каша. Это закон. За это все военнослужащие Советской Армии любили воскресенье.

Но в первое воскресенье в части, в день присяги нам, нашему отделению еще и несказанно повезло. Утром нас послали вымыть большие чаны, в которых варится солдатская каша. Дело в том, что на присягу приезжают родители, друзья, любимые и их положено угостить солдатской кашей. Я и не сразу понял, как нам повезло.

Нормально не мылись мы уже шесть дней, умел не умел я пользоваться портянками, но ноги страшно саднило, наблюдались потёртости, вечно потное тело было ещё и покрыто мелкими точками красного цвета – это были укусы клопов. Так вот эти чаны мы должны были мыть в море!

Одесса, последние дни июня. Утреннее ласковое солнце, мы спускаемся с отвесного обрыва к морю. Мы снимаем с себя всё, главное сапоги, остаемся в трусах и входим в море. Нет! Медленно! Вхо-дим-в-мо-ре! Опухшие ноги горят, а здесь холодная благодатная вода. Это такое блаженство! Если бы мы знали о таком задании заранее, то, наверное, давно бы уже изошли слюной в ожидании этого дня, мы бы сошли с ума в ожидании. А это был сюрприз. Мы наслаждались. Даже сержант, видя наше состояние, не торопил нас начинать саму процедуру. А нам еще предстояла мойка жирных чанов в холодной морской воде. Вымыть их можно только, если подмешать кровь в воду, а для этого служит песок. Мы истерли ладони в кровь, натирая чаны песком. Но мы были чисты и счастливы. Я вас уверяю, это очень полезно: бегайте по утрам в сапогах, не мойтесь шесть дней, плохо питайтесь, ходите строем под палящим солнцем, а потом, как-нибудь уж понеожиданной для себя, окажитесь на берегу моря. Ну как?

Наши побратимы принимали присягу. После присяги был обед, на котором действительно было много гражданских. А после присяги все оказались в расположении роты, мы могли отдохнуть, нас никто не трогал. Все были заняты устройством своих и чужих судеб. Появилось много незнакомых мне прапорщиков, офицеров, родители брали их под локоток, шептали на ухо. На этом восточном базаре выделялся один прапорщик с мешками под глазами, вокруг него «мух» вилось наибольшее количество. Это был всесильный старшина четвертой роты прапорщик Корнюш. Именно ему предстоит сыграть самую значительную роль в моей армейской судьбе.

Сидим мы в курилке. Уставившись глазами в одну точку, Серега загробным, трагическим голосом патефона рассказывает мне историю своей любви. От его рассказа и от того, как он его рассказывает, я близок к суициду. Напротив нас на скамейке сидит один парень, привлекающая к себе не только мое внимание. Да и парнем язык не поворачивается его назвать, мужик. Настоящий мужик, морщины, уставшие, но смеющиеся глаза, сильные кисти рук, очень крепкий, роста среднего, но очень крепкий. Сидит, молчит и улыбается глазами чему-то своему. Я уже начал привыкать, что в стройбате нет восемнадцатилетних пацанов, за очень редкими исключениями. Но и в среде стройбатовцев этот выделялся своей взрослостью. По нескладной одежде было видно, что он, как и мы, только призвался. Но, если на нас одежда сидела как на клоунах – нелепо и комично, то на нем она вообще никак не сидела, они были чужды друг-другу, они друг-друга отторгали. Сапог на нем вообще не было, он был в тапочках, выходить на улицу в тапочках было не положено, а он к тому же был еще и в носках (!). Что-то еще было неправильным с его ногами, но с этим разобраться я не успел, со стороны штаба в нашу сторону быстро шел незнакомый капитан с повязкой дежурного по части. Уже адресированные мы все вскочили по стойке смирно, на нас офицер не смотрел. Ему навстречу неспешно поднялся этот странный мужик:

– Я ты сколько ждат должен, слыш? – низким, гортанным голосом с нескрываемой угрозой обратился он к капитану.

– Аслан, да меня начальник штаба задержал. Всё. Пошли.

И они вместе удалились. Сказать, что мы были поражены – ничего не сказать. Сцена, которую мы наблюдали, ничего общего с армией, с порядком, субординацией не имела. Странная такая сцена, уму нашему духовскому неподвластная.

Вечером на ужине, мы наблюдали этого мужика еще раз. Он оказался за нашим столом, сидящим с краю, напротив чайника. Я был уверен, что в строю он с нами не шел, как он мог оказаться за нашим столом, я не знаю. Поели.

– Рота! Закончить прием пищи, – мы уже привычно передали посуду на край стола. Парень, который сидел напротив Аслана отнес на посудомойку почти всю посуду, остались только чайник и несколько кружек – так, на одну ходку. Но парень из гордости все относить не стал, так как по правилам оба сидящих с краю относят посуду. Парень сел и начал в упор смотреть на Аслана, тот не обращал на него ровно ни малейшего внимания.

– Почему посуду не отнесли? – пробегая мимо, бросил сержант.

– Я свою часть уже отнес, остальное за тобой, земля, – хриплым от волнения голосом, очевидно ожидая скандала, произнес паренек. Но скандала не было. Аслан, не поднимаясь и не произнеся ни одного слова, взял тяжеленный чайник кистью за горловину и с силой опустил его на неподвижную голову загипнотизированного пацана. Тот упал и не встал. Сержант немедленно заорал:

– Рота, выходи строиться на улицу.

Нас повели в роту, Аслана в строю снова не было. Аслана никогда в строю не было. Он был лидером чеченцев. Говорили, что он отсидел пять лет, менты его ломали, ломали, но сломали только ступни ног, ломали ломами, всмятку, его стопы были сильно обезображены. Вначале Аслан не ходил в строю, потому что официально ждал сапоги спецпошива, а потом просто не ходил. Почему он оказался в армии, для меня и сейчас загадка. Его присутствие в части всегда выглядело наглым вызовом святым армейским устоям.

Воскресный день прошел. Наша часть казармы подопустела – те, кто принял сегодня присягу, разошлись по ротам. Здесь, в карантине мы были равные среди равных, а вот что теперь моих приятелей ждало в ротам в первую ночь?

Не знаю, а нас ждала команда «Спокойной ночи!».

Еще одна неделя и присяга

Вторая неделя пронеслась быстро. Каждая минута тянулась очень медленно, а все вместе дни пролетели быстро. Наверное это потому, что в однообразии текущих дел память ничего не фиксировала.

Для нас, для студентов выучить присягу было делом плёвым, легко она давалась и компании корейцев из казахского Тылды-Кургана, чего нельзя было сказать о чеченцах, некоторые из которых не говорили на русском языке вообще. Мы даже не смеялись над ними. Сержант орал в ухо одному долговязому пареньку со стеснительным лицом первую строчку присяги, тот никак не мог повторить, а потом и вовсе заплакал. Нам было не до смеха. Чеченцы сидели и скрипели зубами, они могли убить сержанта, но не было приказа, не было с ними Аслана.

Основное время забирала стройподготовка.

– Левой, левой, раз, два, три!

Хэбэшка затвердела и натирала тело всеми своими изгибами. Когда мы на плацу – она была черной от пота, когда падали в тень, то на сквозняке она быстро высыхала и покрывалась белыми соляными разводами. Ноги сплошь в волдырях. Лицо сгорело, особенно досталось лбу и ушам, они впервые оказались голыми под палящим солнцем. Лоб был в пятнах, ожоги пришлись на ожоги, с ушей свисали лохмотья сползающей кожи. Вес был сильно потерян. Теперь я понимаю, что тогда произошло серьезное обессоливание организма – с потом наша соль вышла, а замещена не была – не тем мы питались. Ночью ноги сводили судороги. Уже и для меня многие упражнения стали проблематичными. Заливаясь потом, тяну ногу из последних сил и, в ожидании «лютого» удара по ноге, думаю, что я буду следующим, кто грохнется в обморок. Я ненавижу жару!

Утром в день нашей присяги, когда мы бежали вокруг части, я уже был уверен, что не добежу. Топливо закончилось. Я не мог осилить несчастный километр. Перед глазами цветные мушки на темном фоне и их все больше и больше... раз-два-три... ни одной мысли в голове, ... раз-два... и только качели...

– Мальчики, держите!

Нам в строй бросили несколько пластиковых бутылок со сладкой водой. Мы пробежали мимо КТП и там, напротив ворот, на небольшой стоянке для автомобилей собрались родители, приехавшие на присягу к своим чадам. Вот они то нас, меня по крайней мере, и спасли. На бегу кто-то передал мне недопитую бутылку «Байкала», два-три глотка, я передал дальше, но теперь я готов был бежать еще круг. Просветлело в глазах, сердце забилося ровнее, во рту было сладко – рта не раскрыть, но я почувствовал магический прилив сил. Неожиданно для себя я рассмеялся. На меня покосились мои приятели. А я в этот миг понял, что уже ради этого глотка надо было идти в армию. У меня в голове произошла моментальная переоценка ценностей, шкала изменилась, ясному пониманию стала доступной простейшая мысль, что глоток воды может быть значительно более ценной вещью, чем очень многое, что казалось особо дорогим до этого, в той другой жизни. И счастье достижимей. И стало от этого намного легче!

Не считите за рекламу, но вот так с одним глотком «Байкала» я повзрослел. Может теперь хватит служить? Отпусти меня, Армия.

Мы редко, но виделись с теми, кто принимал присягу неделю назад. Из их рассказов стало понятным, что таки четвертая рота самая козырная. Распределением в четвертую ведает сам комбат Бочкарев. Он меломан, большой любитель музыки, в такой маленькой части собрал целый духовой оркестр. Рассказывали, что руководителя оркестра – Петю Карагенова комбат ночью выкрал из другой части, перевез в нашу, а потом расплачивался за него. Теперь комбат мечтал о вокально-инструментальном ансамбле. Перед самой нашей присягой к нам в карантин попал одессит Леня Райнов. Он рассказывал, что сидел на одесском городском сборном пункте

и готовился отбыть в орденосный забайкальский военный округ. Надо здесь заметить, что армия советская делала всё возможное, чтобы срочники служили как можно дальше от родного дома. Киевлянин не мог служить в Киеве, одессит в Одессе. Если такое случалась, то должна была быть более чем веская на то причина. Самая любимая строка командиров всех рангов из устава строевой службы – «солдат должен стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы». В этой строке весь смысл срочной службы: командиры делали все возможное, чтобы создать мыслимые и немыслимые тяготы и лишения, помогая тем самым солдатам каждую минуту иметь то, что надо было стойко переносить, а проще это делать армии было подальше от дома.

Вот сидел маленький кругленький очкастенький Ленчик на плацу и горевал, не радовала его перспектива посмотреть на «славное море, священный Байкал», но сидел и горевал он не сам, а вместе со скрипочкой. Вас призывают в армию, что вы берете с собой – ложку, кружку, табаку осьмушку и билет комсомольский в придачу? Убого! Мальчик из правильной одесской семьи берет с собой в армию скрипку. Эту скрипку и запеленговал, бродящий по сборному пункту в поисках музталантов, Петя Карагенов.

– Скрипач?

– Ага, – блеснула надежда.

– На чем еще играешь?

– Кроме струнных на клавишных могу.

– Подходишь. Фамилия? Дома служить будешь, Райнов. Жди, мой комбат за тобой придет.

Петя не обманул, к вечеру Бочкарев откупил музыканта себе.

Петя заходил и к нам в карантин, маленький кривоногий и лупоглазый, он искал музыкантов. Совершенно неожиданно для меня, мой кореш громила Войновский вытянул из тумбочки подозрительный футляр, в нем оказалась флейта – путевка в четвертую роту.

У меня шансов не было. Еще в четвертую могли попасть какие-нибудь спецы, те же водители грузовиков, но со стажем. Для этого нужны были корочки³⁷, их у меня, как и музыкального слуха, не было.

– Ей, кому нужны физики-ядерщики?..

Оставалось еще два года до того, как моя специальность, благодаря Чернобылю, станет самой популярной и меня каждый вечер с работы будет ждать вся часть, чтобы вручить последние газеты, дать время почитать, а потом выспрашивать, что же там, реально, «кароче», написано между строк.

А ещё оставался прапорщик Корнюш.

Вовка Береза, загадочным образом попавший в четвертую роту, рассказывал, что самый главный в решении судеб именно Корнюш, в конечном итоге именно он набирал остальных ребят после комбата, которому принадлежало «право первой ночи». Но нужна была зацепка. И такая, кажется, имелась.

В те времена взятка деньгами была большущей редкостью. Закона не боялись только непуганые люди, таких в Советском Союзе было очень мало. Надо было найти подходящих «борзых щенков». По информации Березы, Корнюш был заядлым книголюбом и собирателем значков. Тут-то ко мне, как говаривал Чапай, карта в руки и пошла. И коллекция значков у меня имелась, а уж книголюбом, невзирая на лета, я был, можно сказать, на то время профессиональным.

Книги тогда были огромным дефицитом. Командированная интеллигенция, путешествуя по закоулкам Советского Союза, первым делом спешила в местные книжные магазины. В больших культурных центрах в продаже была только малохудожественная литература из жизни

³⁷ Корочки – здесь документы.

прокатных станов и доменных печей. В глуши появлялся шанс прикупить то, что можно было читать, можно было нарваться на классику, а то, если повезет, и на детектив.

Людей в городах охватил массовый психоз, все собирали макулатуру. Все началось с того, что за 20 кг. макулатуры можно было получить право купить «Королеву Марго». Великие произведения дорогого Леонида Ильича Брежнева, кои свободно и за бесценок продавались в любом книжном магазине, в приемных пунктах не принимали. За доллары – вышка, за водку – тюрьма, книги превратились в самую конвертируемую валюту Советского Союза. Интеллигенция металась по стране. Особой удачей считалось попасть в солнечную Молдавию, ее издательства такие, как «Литература Артистикэ» или «Штиинца» издавали приключенческую и просто читабельную литературу, иногда даже политически безграмотную, такую, например, как восхитительные, полные междустрочья, миниатюры Феликса Кривина. Родители моего университетского приятеля приобрели в Закавказье потрясающее издание рассказов Константина Паустовского. Потрясающим оно было тем, что издано было для слабознающих русский язык и поэтому малопонятные горцам русские слова были со сносками. На всю жизнь я запомнил одну такую сноску. Контекст у Паустовского был примерно такой, незамысловатый: «...в поле горько пахло полынью...», сноска: «полынь – незамерзающая часть водоема».

У моего отца было среднее специальное образование, которое только приравнялось к высшему, у матери всего три класса. Она была старшим ребенком в семье с семью детьми. Вместо четвертого класса она была вынуждена пойти работать. После голодомора и войны в живых осталось только двое детей, однако образования уже было не наверстать. Но, сколько я помню родителей, до самой своей смерти и отец и мать не расставались с книгами, они читали всегда. Меня не приучали специальным образом, я просто следовал примеру своих родителей. Кто меня знает, подтвердит, что я и сейчас не лягу в постель без книги. В раннем детстве, так как я спал в одной комнате с престарелой бабушкой и старшим братом, я читал под одеялом при помощи слабенького жестяного фонарика, работающего от квадратной батареек. Пока (о счастье!) крестная мать не подарила мне лампочку-прищепку в форме футбольного бутса с мячом. Когда в 90-ые, в годы разрухи я много путешествовал по стране на поездах, то со мной всегда был ремкомплект. Лампочки над спальными полками хронически не работали. Садясь в вагон на свое место, я прежде всего приступал к ремонту освещения, раскручивал плафон, менял лампу и тогда знал, что смогу читать и заснуть спокойно. Утром свою лампочку я выкручивал обратно.

Родители не могли иметь большой библиотеки, так книг 200–300, не больше. Но мы много обменивались с друзьями. Если кому-то удавалось заполучить интересную книгу, то он давал почитать другому, выстраивалась очередь, книга могла вернуться и через год хозяину, и в довольно зачитанном состоянии. Но мы были и не против. Не слишком интересно прочитать самому, а затем поставить книгу на полку. Ведь главное – иметь возможность обсудить прочитанное с друзьями. Кухня, недорогое вино, дым сигарет...

Мне в школе несказанно повезло, моя учительница немецкого языка Александра Саввична Щербакова была настоящим библиофилом. Она позволяла мне подпитываться в ее потрясающей библиотеке. Здесь у любого книголюба челюсть, извините, не захлопывалась. Все сборники «Зарубежный детектив», «Антология фантастики», «Военные приключения». «Стрела», ЖЗЛ, «Антология мировой классики», все выпуски «Подвига» и «Искателя». Благодаря Саввичне я познакомился с «Мастером» Булгакова, с «Одним днем Ивана Денисовича» Солженицина, с запрещенными произведениями братьев Стругацких, благодаря ей и у меня появились в обменном фонде их репринтные «Гадкие лебеди», «Лес» и «Улитка на склоне», «Пикник на обочине» был зачитан до дыр. Только у нее я видел, изъятый из оборота, изо всех библиотек, номер журнала «Аврора» с одностраничным памфлетом-некрологом безымянному «Ему», был этот некролог без подписи, располагался на странице, номер которой совпадал с цифрой последнего юбилея дряхлеющего Генерального Секретаря Коммунистической партии

Советского Союза, а на рисунке была кладбищенская оградка. Номер вышел в месяц юбилея, когда все газеты и журналы свои передовицы посвящали только светлой радости всего прогрессивного человечества – юбилею Леонида Ильича Брежнева.

Благодаря Саввичне, я стал понимать, что такое хорошо, а что такое плохо в литературе. «Бессспорно, базой является классика, но если у меня на работе один только «достоевский», то вечером дома я хочу почитать детектив и отвлечься», – говорила она. Вот только достать «базу», не говоря уже о детективах, было очень и очень сложно. Трудно сегодня в это поверить, не правда ли?

Я был комсомольским вождем школы. Я принимал самое активное участие в приеме макулатуры, в отличие от других комсомольских дел, этим я занимался от всей души и со всей серьезностью. Именно это и стало началом создания настоящей домашней библиотеки. Во время сбора макулатуры я становился на машину и сортировал. Нет, раритеты мы возвращали. Нашли мы родителей второклассника, который притащил тяжеленный фолиант редчайшего дореволюционного издания «История Отечественной войны 1812 года в иллюстрациях», вернулись домой хозяевам и ПССки³⁸ Гоголя и Чехова. Но постепенно, вместо того, чтобы пойти под нож, собрались у меня дома зачитанные, а потому и выброшенные Достоевский и все Толстые, Куприн, те же Чехов с Гоголем в отдельных изданиях, Дюма и Сименон, Хемингуэй и Сэллинджер. Собрались «толстые» журналы особенно ценных шестидесятих годов: «Иностранка», «Новый мир» Твардовского, познавательные «Наука и Жизнь», «Техника молодежи». А какое удовольствие полистать и сейчас союзный «Крокодил» или украинский «Перец» сталинских времен. Моя любимая карикатура была посвящена присуждению Пастернаку Нобелевской премии. На рисунке: стандартный клинобородый Дядюшка Сэм в котелке со словами «учитесь работать» перед собранием цеэрушников и прочих, судя по мерзким лицам, антисоветчиков, потрясал книгой, на которой было написано «Доктор Живаго».

Мне везло в жизни на встречи с такими людьми, как Александра Саввична. Каждый призыв попадая в больницу по направлению военкоматовской комиссии, я знакомился с очень интересными людьми. Помню парня, который удивил меня положительным ответом на вопрос играет ли он в преферанс, очень уж его облик не вязался с этой игрой. Он держал ложку плотно в кулаке и громко шербал суп в убогой больничной столовке. На перекуре он признался, что закончил филфак, а это так – мимикрия.

– Филологический?

– Нет, философский.

Философы были большой редкостью, для нас это были люди с другой планеты.

Он занимался профессионально религией, отвечал, в горьком кажется, за киевских сектантов. Я в то время очень увлекался религией, историей христианства, почитывал запрещенку. Он меня познакомил с абсолютно запрещенной и неожиданной литературой по теме «Нацизм и буддизм». Он же мне скормил со своих рук и «Степного волка» Германа Гессе.

Потом был Дмитриевич. Он был парализован, мы с ним лежали в двухместной палате ветеранов ВОВ³⁹, почти класса люкс. В нормальной десятиместной палате для меня не нашлось места. В ветеранской я был бесправным, он же лежал по особому праву, он был доктором наук, биологом. Как рассказывал Дмитриевич, в свое время он был самым молодым доктором наук Киевского университета. Я его помню дряхлым стариком после инсульта, хотя ему было тогда только сорок семь лет. До сих пор виню себя в том, что, возможно, и я ускорил его смерть – умер он при мне, спустя неделю, как мы познакомились. До самой смерти он сохранял ясный ум, но почти не двигался. Я, шалопай, полночи пропадал то за игрой в карты в процедурной, то с медсестрами в ординаторской. Нас, военкоматовских, от больных отличало то, что мы были

³⁸ ПСС – полное собрание сочинений

³⁹ ВОВ – Великая Отечественная война

здоровыми и молодыми, а поэтому могли и ночное время медсестрам скрасить и помочь, если там надо, труп, к примеру, в морг отвезти. Делалось это по ночам и полагался за это спирт, руки, типа, протереть. Дмитриевич никогда не засыпал, он ждал меня, может он предчувствовал свой скорый конец, он нуждался в слушателе, даже, я бы сказал, в ученике. К нему приходил сын, но контакта между ними я не видел – проблема отцов и детей. Я был хорошим слушателем и учеником, мы много беседовали о настоящих и мнимых ценностях, о проблемах национального вопроса. К моему удивлению он читал то же, что и я, мы могли спорить с ним о смысле прозы Стругацких, чего я не мог делать со своим отцом – он не читал фантастики. Может, в том числе, и эти ночные перегрузки привели его сердце к обширному инфаркту. С парализованными так, говорят, часто бывает, малоподвижность приводит к ослаблению всех мышц, в том числе и сердца. Прости меня, Господи, наверное, я виновен, но в то же время, ведь он меня ждал, он ждал моего прихода, он очень хотел иметь собеседника и он его имел. Каждую ночь, уже до самого утра, и до самого конца.

В больнице я познакомился с Димой. Дима был внуком большой шишки, чуть ли не бывшего министра МВД Украины и поэтому ничего не боялся. Отрицая советский строй, он нигде не работал, очень странно одевался, его не интересовало, как он выглядит, он жил в другом, лично своем, внутреннем мире. Дима был увлечен поэзией, только через чувство поэтической строчки можно понять прозу, считал он. Диме я благодарен за знакомство с Ахматовой и Цветаевой, с Пастернаком-поэтом, а также за «Защиту Лужина» Набокова и «Соленый лед» Виктора Конецкого. За то, что он в моей собственной библиотеке в дурацком ленинградском сборнике советских писателей нашел «Конармию» Бабея, а особенно за моего до сих пор самого любимого поэта, за Николая Гумилева. Гумилев тоже был запрещен, тогда говорили, что он был расстрелян по личному приказу Ленина. Его имя пытались стереть из человеческой памяти.

Там же, в отделении неврологии третьей больницы на улице Петра Запорожца я познакомился с Лёшей-Художником и, благодаря ему, с богемной средой молодых художников Киева. Мы собирались в разных странных квартирах, студиях, пили вино, читали стихи, я был принят как свой потому, что классно читал Гумилева, завернувшись в простыню, стоя на подоконнике в какой-то квартире на Андреевском спуске. Лёшке я благодарен за писателей киевлян. Его покойный отец имел отношение к редакции газеты «Вечерний Киев» и у Лёши в домашней библиотеке легко находились «Бабий Яр» Кузнецова и рассказы другого киевлянина Виктора Платоновича Некрасова. Некрасова я полюбил и как писателя, но ещё больше, как Человека. Если я буду в Париже, мечтал я, то обязательно поеду на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа и на могиле Некрасова выпью стакан нашей водки – ее так любил старик. До встречи с художником у меня и в мыслях не было почитать, стоящий у меня дома на полке, томик лауреата сталинской премии, как это было написано сразу же на обложке, с малопривлекательным названием «В окопах Сталинграда». Это теперь я перечел все, что было издано из написанного Виктором Платоновичем. Даже самая большая реликвия моего дома связана с его именем. Это, кстати, интересная история.

Я уже работал в университете, когда мой отец как-то сказал мне, что, подходя к гаражам, где хранилась наша «копейка», он вытянул из горячей кучи осенних листьев перевязанную стопку толстых журналов и перенес их в наш гараж. Он сделал это, зная мое увлечение макулатурой. Когда я развязывал узелок бечевки, стягивающей стопочку журналов или книг, я испытывал чувства сродни, наверное, чувствам археолога, который таки докопался до своей мумии. И вот в гараже я развязал бечевочку – так, ничего особенного, практически все это или не представляло интереса или уже было у меня. Прихватил я с собой только пару журналов редкого «Моделист-конструктор» и странный печатный продукт, цветом и форматом напоминавший «Новый мир», но значительно тоньше. Я принес это все домой и только там рассмотрел сей продукт повнимательней, вверху действительно значилось стандартным шрифтом:

«Новый мир», но меньшим по размеру и не по центру, а слева. Внизу справа мелко: «отдельный оттиск», номер и линия подчеркивания. Под обложкой было только одно произведение и называлось оно «Месяц во Франции», Виктор Некрасов. Здесь у меня был первый шок. Найти полузапрещенного Некрасова...! Второй был, когда я узнал, что «отдельный оттиск» это ни что иное, как авторский экземпляр. Неужели сам Некрасов держал это в своих руках?! Там еще было что-то написано от руки, но в те времена все, даря друг-другу книги, писали дурацкие посвящения. Так как разобрать почерк я не мог, я все время спотыкался на одном и том же слове: «Дорогой Александре Ивановне, посетительнице... просительнице... посетительнице...», то и дочитать до конца я ни разу не удосужился. На следующий день, когда я принес ЭТО в университет, мой друг Змей попытался разгадать этот ребус, но застревать не стал, перескочив неразборчивое слово, сразу прочитал концовку «...В.Некрасов 29.XI.69 г.».

– Что?! О Боже! – Я и сейчас помню размер тех мурашек, которые поползли по моей спине. Я готов был потерять сознание! У меня в руках была настоящая реликвия, авторский экземпляр произведения, с личным автографом автора. Подписывая его, Некрасов возможно уже знал, что «Новому миру» так и не дадут в тираж этот маленький очерк. Для меня эти сорок страниц очень дороги, это как в анекдоте, помните:

«Возвращаются поездом два советских музыканта с международного музыкального конкурса. Один с возмущением говорит:

– Ну, что это за первая премия – поиграть на скрипке Страдивари?

А второй мечтательно поясняет:

– Как ты не понимаешь?! Это... это же как для тебя пострелять из нагана Дзержинского».

Кто знает свое будущее? В этом очерке за несколько лет до своего изгнания из страны Виктор Платонович, и я уверен, не в угоду власти имущим, писал: «Талант, оторванный от родины, гибнет. Ему нечем питаться. Тоска по дому, воспоминания о прошлом, ненависть к настоящему – это не лучшая питательная среда для художника.» Кстати, из этого произведения я узнал, что Некрасов жил в Париже ребенком еще до революции и нянькой у него был будущий первый советский министр просвещения Анатолий Васильевич Луначарский! Можно стать Некрасовым, если нянька у тебя Луначарский, помню, подумал я тогда, вспоминая собственное соцгородское «босоное» детство.

Это так, простите, отступление, но теперь Вы представляете, каким я был лакомым кусочком для любого книголюба, а тем более для прапорщика-библиофила из стройбата. Здесь силу я в себе чувствовал. Дайте только точку приложения этой силе.

На присягу приехали и мои родители с Ларисой. Их глаза оказались на мокром месте в тот же час, как они увидели мои облезшие уши. Я бодрился. После присяги отец с удовольствием откушал солдатской каши в столовой, похвалил. И мы оказались в карантине, через час нас должны были распределить по ротам. Корнюша видно не было. Что делать, как повернуть судьбу? Я не знал.

Появился комбат. Бывший уже карантин построили, комбат называл фамилии и номер роты. Так сложилось, что все мои кенты попали в четвертую: Серега и Райнов – как музыканты, киевляне Алик Блувштейн – как студент пятого (забрали перед самой защитой диплома!) курса КИСИ, готовый специалист, Юра Балясный – тоже КИСИ, загадочным образом попал в четвертую Леша Близнюк. Другие – как водители, трактористы, механизаторы.

– Военный строитель, рядовой Руденко... – первая рота, – как приговор услышал я. Сердце упало, это был конец.

– Я поговорю с этим Корнюшем, тебя переведут, – обнадежил друг Серега.

Серега не обманул, через пятнадцать минут я уже разговаривал со старшиной четвертой роты. Мне хватило и трех минут, чтобы он понял, что в книгах я ас. Нескрываемая алчность искрилась в его глазах.

– Геша, так мы с тобой еще и тезки. Геша, – он сразу так меня, к моему удивлению, назвал, – кто же ты? Что ты умеешь?

– Да я на кафедре квантовой радиофизики работаю пять лет, любой прибор починить могу.

– Не-а, это здесь не надо, радист у нас с прошлого призыва. Еще?

– Ну незаконченное образование физика ядерщика вряд ли поможет?

– Не дай Бог, тьху-тьху-тьху!

– Ну, стенгазеты я всегда в школе и университете рисовал.

– Опаньки! Это оно! Шанс есть. Художник части эта креатура нашей роты, а нынешнему, Николаеву через полгода на дембель, да и поднаглел он маленько. Попробуем. Пошли со мной, солдат.

По дороге к штабу старшина успел справиться о родителях, еще более приободрился, услышав, что мои приехали в Одессу на собственной машине. Мы предстали перед комбатом:

– Корнюш, не борзей.

– Так, он же художник, я проверил. ВХУТЕМАС просто какой-то. Репин. Петров с Водкиным.

– Ага, Айвазович, бля.

– Так, товарищ майор, Николаева же на дембель, а перед дембелем ему не мешает пару месяцев в бригаде попахать. Пусть хоть на конец службу понюхает, – противным голосом в нос гундел прапорщик.

– На стройке пиздячить некому, а ты всех себе забрать хочешь, – не сдавался комбат.

– Так за плац стыдно, товарищ майор, всю наглядную агитацию обновлять надо, а Николаев и не успеет за полгода. Что, два разных художника плац сделают?

С тихим ужасом для себя я слушал красивые доводы старшины. То ли этот довод оказался настолько сильным, то ли майор просто устал от старшины, но он сдался:

– Забирай, но поменяй его на кого-нибудь.

– Есть, товарищ майор!

– А тебя я лично проверю, какой ты художник!

Я похолодел. Уж я то знал разницу между стенной газетой и монументализмом, необходимым для плаца.

– Если соврал, ты у меня на точке служить будешь, где только ты, три дембеля и белые медведи. Пнял?

– Так точно, товарищ майор.

На время попустило. Цель достигнута, а там видно будет. По дороге назад Корнюш услышал историю моей женитьбы. Она всех впечатляла. И незамедлительно пожелал встретиться с моими близкими. Мы зашли за моими вещами, я познакомил такого приятного человека – называл меня исключительно Гешей – с родителями и Ларисой.

Прости меня неизвестный парень, тот, на которого меня поменяли!

На этом наиболее военная часть моей службы, как оказалось, закончилась и началась... даже сейчас не знаю, как это называется.

Часть 2. Салабон ли?

Лето 1984. Чабанка. Подарок старшины

Так и хочется сказать: веселой гурьбой мы пошли в четвертую роту – отец, мать, Лариса, Корнюш и я. Конечно же у меня для веселья особых причин не было, комбат нарисовал на перспективу такую картинку – и мокрой тряпкой не сотрешь, но я надеялся, что из всех зол мне досталось все же наименьшее. Казарма четвертой приятно удивила, архитектурно копия казармы первой роты, но было в ней что-то более домашнее, чем все то, что я до этого видел в части. Теплей как-то было, что ли. Вроде те же краски – все оттенки грязно-коричневого цвета, а как-то уютней, веселей.

Прапорщик Корнюш провел моих в спальное отделение. Очевидно, по причине воскресенья там и сям вольно околачивались солдаты. Корнюш показательно гордился всем, что нас окружало, рассказывал о планах по улучшению сурового солдатского быта, всех ребят называл по именам, налево и направо сыпал шутками, иногда солдаты ему отвечали, достаточно вольно, иногда на грани. А я чувствовал себя крайне неловко, я понимал, что роль экскурсанта неправильная для новичка, признаться, я боялся, что меня могут возненавидеть с первых минут. Но рядом была Лариса и всё внимание окружающих было приковано к ней. При этом никакой скабрёзности в глазах своих будущих сослуживцев я не замечал, только удивление и восхищение – молодая, красивая девчонка в солдатской казарме. Ну, думаю, похоже и личный состав соответствует высокому имиджу четвертой роты.

– А вы где, Григорий Иванович, остановились? – спрашивает Корнюш моего отца.

– У нас палатка с собой, матрасы надувные, мы переночуем на берегу моря и утром пораньше назад. Не хочется по жаре такой ехать.

– Так я вам место покажу, рядом с частью, спуск к морю, безопасно. Кстати, раз такое дело, я и вашего сына с вами на ночь отпущу. А то как он спать в казарме спокойно будет, если знает, что жена молодая где-то рядом. Ещё грех на душу возьмет – побежит.

Я оторопел, равно как и мои. Такого подарка уже никто не ожидал. Вместо первой ночи в роте оказаться с женой на море...!

– Григорий Иванович, зайдите ко мне в каптерку, я вам схему нарисую, как проехать, это несложно, уверяю вас. Геша, а ты занимай свое место, переодень парадку, здесь она тебе не нужна и заходи ко мне за увольнительной.

– Ну ты и везунчик! Поздравляю! – меня подхватил Войновский, показал свободное место рядом с собой, конечно же, на верхнем ярусе. Приберег. Я переоделся и мы вместе с Серегой заскочили в туалет.

– Откуда, земли?

В умывальнике голые по пояс умывались двое солдат. Возрастной диапазон в стройбате поражал. Если многие, уже виденные до этого, стройбатовцы казались мне взрослыми мужиками, как Аслан или Карев, то эти двое выглядели настоящими дедами, по крайней мере, лет за сорок, сорок пять. Один был небольшого роста, коренастый, сутулый, лицо как грецкий орех а другой побольше и попельменистей, тела обоих были синими от татуировок.

– Из Киева.

– Отку-уда, отку-уда? – в лучике солнца сверкнули железные фиксы.

– Из Киева.

– Ну тогда вешайтесь, салабоны, – говорит первый без всяких особых эмоций, без злобы и без агрессии, продолжая водные процедуры.

– Нет в натуре, мы же видим, вы вроде бы путёвые пацаны, поэтому и советуем – вешайтесь сразу, вам же легче будет, – поддерживает второй идею первого, тоже как бы между прочим, при этом занимаясь своим делом.

– Когда Сапог будет? – спрашивает один другого.

– Да, вроде как завтра. Он сегодня на дежурстве.

– Ну тогда завтра вам и кранты с повидлом. Лучше нам с тобой, Михалыч, этого не видеть. Нет, без бэ, пацаны, удавитесь раньше – наш вам совет. Хоть уйдете как настоящие мужики, без воплей и соплей этих. Ну обделаетесь напоследок, не без этого, так то ж уже навредо и не вы, а так – кусок сырого мяса. Б-р-р, – его передернуло.

Мы, не задерживаясь, вышли из умывалки:

– Ладно, Ген, не бзди. Завтра видно будет.

– Ты, Серега, тоже не бери в голову. Как договаривались – спина-к-спине.

Обменялись мы поддержкой, не глядя друг другу в глаза. А там... как завтра карта ляжет.

Парадку я сдал старшине, он выдал мне первую в жизни увольнительную – клочок бумаги с печатью и заветными цифрами «от и до». В графе «до» значилось 06:30.

– Будь как штык на проверку. Это приказ. Ну, с Богом. Жену не обидь.

Сказать, что я с легким сердцем выскочил из роты? Нет. С одной стороны получить увольнительную в первый же день службы – нонсенс и я, конечно, был этому очень рад. Но с другой стороны нет-нет да вспоминался разговор в умывалке – настроения он не поднимал. Давление на организм всё увеличивалось.

Немногим позже я понял, что в армии не бывает всё только хорошо, за хорошим следует плохое, за спокойствием – опасность, за хорошее надо платить. Армия это непрерывная борьба за существование, это череда интриг, а порой это шахматная партия. Одна неприятность заканчивается, начинается другая. От этого – постоянное ожидание удара в спину. Но в то же время пришло и понимание того, что хорошим надо пользоваться сразу, как только оно появляется, ведь дальше будет хуже. И так до самого дембеля. А до дембеля оставалось всего два года. Я пошел наслаждаться хорошим, для этого родители оставили палатку молодоженам, а сами ночевали в машине. Лорка плакала над моими ногами, результатом действия сапог и клопов.

Клопов всегда больше, чем нас.

Лето 1984. Первый день в роте

– Ну, как вы ночью? Сильно гоняли?

Я успел вовремя, заходить в роту не хотелось, закурил на крыльце, там и встретил выходящего на проверку со всеми Войновского.

– Да не очень, стандартно – «отбой-подъем» пять раз, после отбоя наших ребят, из тех, кто неделю назад в роту пришел, туалет послали драить. Нас не тронули. Зато утром все салабоны, без исключений, на уборку помещений.

Мы с Серегой шли в числе первых строиться. На аллее стоял наш знакомый, низкорослый коренастый чеченец из нашего карантина. Увидев меня и Серегу, он очень обрадовался знакомым лицам, по всему было видно, что его распирало, ему не терпелось передать нам горячую новость:

– Ну, как вы в первую ночь, пацаны? – и не дожидаясь нашего ответа, – А мы наших дедов-казахов положили. Теперь в первой роте наша власть, чеченская!

– Чего гонишь⁴⁰? В первую ночь!?

– Мамой клянусь! Казахов много, половина роты, почти все деды, чеченцев 14 человек. Казахи ночи дождались, а потом всех салабонов подняли. Мы тоже встали. Аслан им сказал, что чеченцев они не тронут и работать мы не будем. Что тут началось! Крики стариков: «гаси борзоту»⁴¹! А мы были готовы, нас Аслан с Рохой научили – мы схватили гладилки, повыдергивали эти трубки, дужки с кроватей и начали всех метелить налево и направо. Роха кому-то сразу голову проломил. Аслан двоих об пол сильно приложил. Драка была не долгой, казахи быстро засцали. Аслана позвали на переговоры. Договорились, что никто чеченцев трогать не будет. А нам Аслан потом сказал, что теперь, если надо, они нам портянки стирать будут.

Парень отличался относительной чистотой речи и, как и другие чеченцы, почти не матерился. История была странной, поверить в нее нам было пока сложно.

Мы строились на аллее перед ротой в три шеренги, все салабоны в первой шеренге. Опоздавшие в строй получали несильные тычки в спину:

– Я тебя что, ждать должен, чушок? – оказалось стандартной формой выражения радости старослужащего от встречи с опоздавшим в строй младослужащим.

Вышел прапорщик Корнюш, нашел меня глазами, успокоился, проверил роту и повел в столовую.

Я удивился, как все успели перестроиться при заходе за столы таким образом, что места в середине стола – раздатчики, и с краю – те, кто уносит посуду, занялись только салабонами. Я оказался в середине стола. Процедуру я знал. Разложил всем кашу по тарелкам. Напротив меня стояли нарезанный на кусочки кирпичик хлеба, тарелка с маслом и тарелка с сахаром. Себе я взял только хлеб – книжек об армии начитался. А еще напротив меня, к моему ужасу, сидели те два деда из умывальника.

– Ты почему масло не берешь? – ковыряя алюминиевой ложкой в каше, с подозрением спросил тот, кого, как я уже знал, звали Михальчем.

– Так не положено ж по первому году службы.

– Кто тебе такую хуйню сказал? Если кто у салабона масло или там сахар отберет, тот будет сукой последней. А на свой приказ⁴² так я тебе свое масло отдать должен. Традиция! А что это ты вчера с Корнюшем по роте вышивал? – без всякого перехода спросил он.

⁴⁰ Гонишь – обманываешь (жар.)

⁴¹ Гасить борзоту – избивать наглых (жар.)

⁴² Приказ – имеется ввиду приказ Министра обороны о демобилизации.

Здесь мне пришлось признаться, что я был с родственниками, с ними и ночь провел. Упредил, как мне казалось, следующий вопрос.

– Ни хуя себе! Мы ебошим, а он биксу в постеле греет! – какими-то оловянными глазами смотрел сквозь меня второй дед.

– Жену законную, а не биксу! – с максимальным достоинством, на какое только был способен, отвечаю я.

– Так ты женат? А лет тебе сколько?

– Двадцать четыре.

– Парился?

– Чего?

– На киче сидел?

– Да, нет, – дошел до меня смысл вопроса.

– Ладно, все равно ты уже дед как и мы, в смысле по возрасту. А чего ж тогда киндеров не настругал, не загребли бы?

– Так я до армии женат был только три дня. А жена сейчас беременная, ей зимой рожать.

– Ого, а вдруг двойня!? Соскочишь с половины срока. Вот видишь Балухта, а ты на земляка наезжаешь. Нормальный пацан, понимающий, и с маслом он мне понравился. Держись, земля, авось до дембеля доживешь.

– Ну, это ты загнул, Михалыч. На это шансов у него – йок. Сегодня Сапог вечером будет.

После столовой вышли на плац, здесь к нашему строю присоединились еще два прапорщика и, уже знакомый мне по поездке из Киева, капитан Сапрыкин – командир четвертой роты. На плацу командир батальона провел развод по работам. Быстро по деловому, я так и не понял кто здесь, где, кому и зачем? Кто эти прапорщики и чем вообще мы здесь занимаемся? Все разошлись прямо с плаца отдельными группами кто-куда, а меня забрал с собой лично старшина, мы вернулись в роту.

– Ты когда возвращаешься с увольнения, должен найти того, кто тебя отпускал и доложить, что, мол, прибыл, замечаний не имею. Понял? Пошли ко мне в каптерку, поговорим.

– Рота! Смирно! Дежурного по роте на выход! – заорал дневальный на тумбочке, завидев прапорщика и меня, входящих в роту.

– Отставить. Гулямова ко мне в каптерку, – оборвал старшина голосащего.

Мы вошли в каптерку, комнату полную разных вещей, одежды, постельных принадлежностей, коробок, ящиков и запаха дешевого одеколлона. Корнюш сел за письменный стол, стоящий под единственным в комнате серым окном, а мне предложил сесть на табурет.

– Геш, пока время есть, на тебе новую подшивку, поменяй свою.

Я снял с себя хэбэ, содрал старую подшивку и начал пришивать новую белоснежную, плотную, крутую.

– Разрешите, товарищ прапорщик, – в комнату вошел высокий стройный узбек с красивым тонким лицом, с бусинками черных смеющихся глаз, на рукаве у него была красная повязка.

– Входи.

– Дежурный по роте рядовой Гулямов по вашему приказанию...

– Гулямов, – перебил его старшина, – почему из роты никого не было на физзарядке?

– Как не было?! Было, товарищ прапорщик.

– Ну че ты пиздишь, Гулям? Я ж, как в часть вошел, сразу на плац. Там только салабоны с первой роты были и всё.

– Так, то они опоздали, мы к тому времени уже в роту вернулись, мы быстро. Вы же знаете, как мы, а особенно дедушки Советской армии, любим зарядку. Вай! Нам хлеба не надо – дай побегать, товарищ прапорщик, – игриво мурлыкал красавчик Гулямов, иногда подозрительно и нехорошо косясь на меня.

– Я сейчас порядок в расположении проверять буду, физкультурник. Если крайнее «очко» не пробил в туалете, ты лично при мне пробивать его будешь.

– Разрешите идти, товарищ прапорщик? Сейчас найду крайнее «очко» и лично пробью его, клянусь здоровьем первого секретаря комсомола солнечного Узбекистана! – засмеялся Гулямов собственному каламбуру с «очком».

– Не борзей, иди, – оценил шутку и прапорщик.

Прапорщик заполнял амбарную книгу, мы говорили о литературе, я ему рассказал, как при помощи газеты «Книжное обозрение» заказывать только что вышедшие из печати книги. Приятный мужик. Только его литературные предпочтения были ещё более примитивными, чем мои. А еще у меня сложилось впечатление, что ему важнее иметь книгу, чем прочесть ее. По крайней мере, он с не тем, как мне показалось, интересом выслушал историю о том, как один мужик-собирающий в Киеве, чтобы уберечь книги от краж, просверливал их, а затем стягивал сквозь всю полку длинным прутком, книги оказывались нанизанными, как куски мяса на шампуре. Для меня это было черным юмором, старшина же заинтересовался самой идеей. Он закончил свои записи, а я подшиваться.

– Пошли, я тебя с нашим художником познакомлю.

По дороге из казармы мы вместе зашли в туалет, там салабон-дневальный, закатав рукава, пытался прочистить ближний к окну сортир. Рядом стоял Гулямов, нас он не видел.

– Э, быстреей давай, да. Или я твою маму в рот...

– Гулям, это я с тобой сейчас такое сделаю, что, как настоящий джентельмен, буду вынужден на тебе после этого жениться. Ты понял? – за цветастым выражением угадывалось раздражение старшины.

– Поняль, поняль.

– Очко готовь. Вернусь проверю.

Гулямов лыбился во весь рот, полный рекламных зубов, но глаза его недобро посматривали на меня. Я и сам себя неловко чувствовал – хожу со старшиной, проверяю вместе с ним, в каптерке у него сижу. Бр-р-р! Самому противно, а как соскочишь?

Мы направились к хорошо мне знакомой казарме первой роты, только подошли к торцевой, отдельной двери, я и не знал до того о её существовании. Корнюш дернул ручку на себя, дверь не поддавалась, он постучал.

– Кого там принесло? – из-за двери.

– Я те дам, кого принесло, дверь открывай, солдат! – видно было, что старшина на этот раз уже не на шутку рассердился.

– Доброе утро, товарищ прапорщик, – улыбочатое умное спокойное лицо в проёме приоткрытой двери.

– Ты совсем охуел, Николаев. «Доброе утро», – передразнил Корнюш, – я тебе, что приятель?

– А я знаю, что вы мне *неприятель*, товарищ прапорщик.

– Так, всё, Николаев, это рядовой Руденко, покажи ему, что здесь у тебя и где.

Прапорщик резко развернулся на каблуках и сразу ушел, на меня и не глянув. Понятно, что он просто взбешен и ему неприятно, что я был свидетелем этого короткого разговора. Только теперь Николаев распахнул дверь настежь.

– Ну заходи, коль пришел, – усмехаясь.

Я вошел в довольно большую комнату в три окна, она была сильно захарашена всякой художественной утварью, кругом были большие незаконченные стенды, заготовки, краски, тряпки, кисти, в углу стоял обычный, гражданский платяной шкаф. В воздухе пахло знакомым мне запахом льняного масла и чем-то горелым.

– Ты что, новый стукач прапорщика Гены?

– Почему стукач? – набычился я сразу и ляпнул еще хуже, – я не стукач, я художник.

– Да?! Что закончил? Где учился?

– Нигде, но я...

– Так. Понял. Забыли. Может ты и нормальный пацан, я понимаю – место потеплее найти хочешь, но об этом месте забудь. Я на нем до дембеля буду, а это еще пять месяцев. Въезжаешь, салабонище?

– А может ему пизды дать, Костик? – из-за шкафа появился очень длинный тип. В нем всё было длинным: ноги, руки, пальцы, голова, нос. Он даже появлялся плавно и не весь сразу, а частями. На носу у него были очки с затемненными линзами, а одет он был в очень выгоревшее ушитое хэбэ, практически белое, в обтяжку. Выглядел он сильно не по военному, карикатурно и образованно одновременно, я сразу почувствовал, что бояться его не надо:

– А ты, что её с собой носишь?

– Кого?

– Пизду!

– Ни хрена себе салабоны пошли! А? Удав, он же тебя подъебнул, – оба парня заулыбались. А я поразился тому, насколько долговязому подходила его кличка – Удав.

– Ну, молодец. Ладно, слушай сюда, я за это место столько заплатил, что и сейчас жопа болит. Решай свои проблемы по другому и за счет других. Пнял? Свободен!

– Пыхнешь? – в это время Удав свернул папироску, сел в старое продавленное кресло с ободранной гобеленовой обивкой невразумительного рисунка и закурил, в воздухе усилился запах паленой травы, мне показалось, если папиросу набить чайной заваркой и подпалить, то должен быть такой же запах. Что за чудо табак он курит?

– Не тянет.

Я вышел от художника. Куда теперь идти? Делать нечего, пошел в роту.

На крыльце меня встретил Гулямов.

– Э-э, военный строитель, я что ли за тебя пиздячить буду? Не спеши в роту, старшины нет. Взял вот ту метлу в руки и пошел плац заметать. Через полчаса приду, проверю. Время пошло, военный.

Не сказав ни слова, я пошел на плац, мне стало даже легче, хоть на какое-то время я знал, что я должен делать. Безделие меня угнетало, любая конкретика спасала разум. На плацу особой работы и не было. Июль, солнце палило нещадно, последний дождь давно забыт, листья на деревьях погорели и начали опадать, легким ветром они сами кучковались под побеленными бордюрами. Я так понял, что надо было их смести и убрать с плаца, другого мусора я не наблюдал. Ну что ж, Родина лучше знает, где я нужнее.

Часть казалась полностью вымершей. Нигде никого. На второй час моей работы появился Гулямов.

– Медленно, солдат, очень медленно. У тебя мало времени, до обеда ты должен мне ещё подшивку постирать и подшить.

– Облезешь.

– Нэ по-оняль!? – передразнивая чей-то акцент, с угрозой протянул он.

– Заебёшься пыль глотать, – не знаю, как и вырвалось на волю мое второе, соцгородское «я». Мы оба опешили, но его реакция была еще более неожиданной, чем мой наглый выпад.

– Ни хуя себе! На малолетке сидел?

– Пока Бог миловал, но я не зарекаюсь.

– А лет тебе сколько?

– Двадцать четыре.

– Ого! Ко мне в бригаду пойдешь? – он оценивающе смотрел на меня, – Тебя как звать?

– Геннадий. Геннадий Руденко.

– Вот что, Руденка. Ты должен знать, что ты салабон и тебе положено ебошить. Через год ты будешь отдыхать, а другие будут ебошить. На этом стоит Советская Армия. Не поймешь – тебе же хуже будет, – он развернулся и ушел.

И это все?! Грома не было, молний не было, он меня не затоптал ногами и даже не угрожал сделать это позже. Это была моя первая маленькая победа. То ли он забоялся моей непонятной связи с Корнюшем, то ли моего соцгородского «я»? Не знаю, но я начал догадываться, что здесь в части, чтобы выжить, мое университетское прошлое мало чем поможет, а вот опыт и язык киевского Соцгорода могут и выручить.

– Геша, если тебя будет кто припахивать, пошли того ко мне, – после обеда, мы снова с Корнюшем в каптерке. – Что там у тебя с Николаевым?

– Трудно мне будет потянуть его работу, товарищ прапорщик. Он профессионал, – я не знал, что говорить, не передавать же старшине наш разговор с Николаевым.

– Ладно тебе, не боги горшки обжигают. Давай дуй к нему, работайте пока вместе.

Что мне было делать? Поплелся я к Николаеву.

– О, хорошо, что зашел. Давай сбегай на продсклад, найдешь там Шияна, скажи, Николаев просил пару банок консервов. Одна нога здесь – другая там, время пошло, дядя!

Пошел и я, пошел искать продсклад.

– А ты сам откуда будешь?

Начпродсклад Шиян вызывал доверие, спокойный, большой и неуклюжий, с утиной походкой – его ноги были как буква «Х». Я ему рассказал о своих злоключениях сегодняшнего дня, да и вообще, много всего рассказал.

– Ты с Корнюшем поосторожней, он мужик хитрый и опасный, а с Николаевым тебе не обломится, он под крышей замполита части. Давай вот что, мне тоже на дембель этой осенью, а продсклад штука тонкая, на это место любого не поставят. Я договорюсь, поработаешь пока у меня, биография у тебя подходящая, а там посмотрим, если получится – быть тебе начпродскладом.

– Боюсь, командир части, будет против, меня ж как художника взяли в четвертую роту.

– Бочкарева я беру на себя, – уверенно.

Оказалось, что Шиян, как член КПСС, был членом парткома части, а в партии, чины и звания военные были не на первом месте.

Мы проговорили с Шияном часа два. Я рассказал о себе, он о части, ху из ху, так сказать. Я забыл отнести консервы Николаеву, я забыл всё, я увидел следующую цель, некую перспективу. К вечеру на продскладе собрались и другие ребята из хоззвода: старший повар Ахунов из Узбекистана, начвещсклад, водитель хлебовозки приехал с двумя бутылками вина. Шиян знакомил меня с ними, как с равными, мы выпили, я старался быть осторожным – по информации Шияна, Корнюш полностью непьющий, наверное, единственный непьющий прапорщик в части, а может и во всей армии советской. Вместе с этой компанией я и пришел в роту. В роте было полно людей. Я встретил Войновского на улице, в курилке.

– Я попал в бригаду УПТК – Участок промышленно-технологической комплектации, то есть снабжениестроек, командир бригады Алик Кимельдинов, сержант, казах. Что классно, что мы работаем не на стройке, а в Одессе на жэдэ станции Кулиндорово, разгружаем вагоны. Ну, а ты как?

– Кошмар, Серый! Весь день, как не пришей кобыле хвост. Время тянется – день за два. Прапор меня ладит под себя, но мне неуютно. Не хочу я теплых мест. Как бы я хотел к вам в бригаду...

– Ну, к нам не попасть. Сам Бочкарев следит, кто работает в УПТК, – сказано с лёгкой гордостью. – Среди нас есть экспедиторы, это те, кто вообще свободно разъезжает по всей Одессе, по разным там заводам и складам, их, кстати, сразу видно, они всё время в парадках ходят. А остальные на разгрузке вагонов, но тоже вне части или стройки. Свобода! Поэтому и

подбор соответствующий. Меня, как музыканта, Петя Карагенов порекомендовал, он тоже там и Леня Райнов с нами, еще кореец один с нашего призыва, тоже музыкант.

– Да, вам везет, а тут хоть действительно вешайся. Брожу по части, как верблюд по пустыне – песок сторожу, не знаю, что ещё такого полезного сделать.

Вечером было всё как обычно: ужин, ленкомната, вечерняя проверка, отбой. Замерли.

– Не поняль!!! Сялябоны подъем! – не крик даже, а визг. Мы повскакивали с коек, в голове билось одно – это, наверное, долгожданный, страшный Сапог. Ну вот оно и пришло, как в песне «большое как глоток, – мгновение, мгновение, мгновение...»

– Стройся, блат, в трусах на взлётка!

Мы строились, перед строем вышагивал низенький коренастый парень с простоватым, круглым плоским лицом и расставленными в стороны, как крылья, руками. Маленькие глазки были посажены очень глубоко. За исключением слова «блат», речь его изобиловала очень мягким «л», в падежах он плыл свободным стилем.

– Охуель, сялябоны? Кто послалял дедушка Камбаля нахуй? Кто такой Карева? Выйти из строй!

Из строя вышел совершенно спокойный Юра Карев, в четвертую он попал, как водитель самосвала с пятилетним стажем. Впечатление производило его мускулистое, сухое тело, с настоящими регалками⁴³ на плечах и ключицах. Колючесть этого человека читалась легко и определенно.

– Ушель канцелярия, – не смутился Сапог, Юра спокойно пошел в сторону канцелярии роты.

– Кто такая Балясная? Выйти из строй! Почему койка на заправиль, как дедушка сказал? Что дедушка за тебя пиздячить будет? Охуель, сялябон?

Юра Балясный мог напугать только своими толстыми стеклами в очках. Сапог открытым кулаком въехал боковым в челюсть Юрке, тот на ногах не устоял. Не поднимаясь, он пополз в поисках очков.

– Куда пользёшь, сука? Всталь в строй! – сразу последовала команда и удар сапогом по копчику. – Сялябоны, будем тренироваться. Слюшай мой команда! Равняйся! Смирна! Напра-аво! Гусиным шагом, присели, блат, быстро, ша-агом... марш! Равнение на тумбочка!

Мы опустились на корточки и зашелестели босыми ногами по взлетке – школа Лютого, как-никак. Прошли раз, развернулись, два, развернулись. Ему мало.

– Песню запе-евай!

– Какую песню!? Сапог, ты чё? Дай поспать! – закричали деды из спального помещения.

– Отставить песню. На месте-е-е стой! Раз-два! Напра-во! Встать. Будем учить самый лучший стих на свет. Сялябоны, когда вас дедушка спрашивать «день прошель», что надо отвечать, кто знать? Где мой друг Закир? Ты выучиль?

– Да, Костя.

– Что!? От блат!

– Так точно, рядовой Сапог.

– Совсем охуель! – как-то даже радостно удивился Сапог наглости салабона, – давай читай. Все слюшай!

Маленький таджик Закир, раскачивая головой, в распевку начал декламировать:

Дембель стал на день короче,
спи солдат, спокойной ночи,
пусть приснится тебе сон,
как садишься ты в вагон,

⁴³ Регалки – татуировки, определяющие положение человека в местах лишения свободы (жарг.)

папироска с злой травой,
баба с пышною пиздой,
самогонки полный таз
и Устинова⁴⁴ приказ
об увольнении в запас.

«Боже, ну о чем еще может мечтать человек?!» – подумал я.

– Так, завтра всех дедушка Сапог спрашивать. Кто не знает, полючает бляха по жопе. Я вас всех...

Закончить он не успел, в дальнем конце коридора раздался шум. Из дверей канцелярии вылетел Юрка Карев, отбиваясь от двух дедов. На свободе широкого коридора он сразу получил преимущество маневра и использовал бы его на все сто, но дедам на помощь бросился Сапог, он оказался у Карева сзади. Сапог прыгнул Юрке на спину и зажал горло локтевым сгибом своей короткой, но очевидно очень крепкой руки. Подскочившие деда быстро закончили расправу. Из канцелярии выволокли в умывальник ещё одного деда, лицо его было в крови, видно Карев первым его там зацепил. Дежурный по роте гаркнул:

– Че хлебалы раскрыли? Отбой команда, салабоны! Бегом! Время пошло!

Второй раз нас просить не надо, мы разлетелись по койкам.

Мой первый день в роте прошел. Осталось всего 709! Уже легче.

⁴⁴ Устинов – министр обороны СССР.

Лето 2004. Чабанка. В поисках своего места

– Рота, подъем! – крик дневального вернул меня к реальности. Тело инстинктивно заработало, а вот мозг включился и сразу выключился за ненадобностью. Все салабоны вскочили, остальные продолжали спать. После зарядки, не успел я дойти до своей койки, как был остановлен парнем в очках. Высокий, надменное лицо, гражданская футболка.

– Солдатик, заправишь вот эту коечку, – не требуя от меня подтверждения, он развернулся, закинул полотенце себе на плечо и неспешно пошел в сторону умывальника. Я пошел заправлять койку. Свою. Заправлять ему я, конечно, не собирался. Было страшновато, косясь, я держал под контролем спальное помещение. Минут через пять появился он, увидел незаправленную койку и немедленно поймал следующего, подвернувшегося ему под руку, салабона. Я ослабил внимание, а зря.

– Солдатик, а ты из охувших или припизженных? – сзади меня стоял этот парень, уже одетый и оказался он младшим сержантом.

– Я... – я только открыл было рот, как он меня криком перебил:

– А меня это ебёт, военный?! Пшел нах в туалет, там с тобой говорить буду.

Он взял меня под локоток и подтолкнул вперед. Мы пошли. По дороге он вдруг обнаружил, что его постель так и стоит нетронутой. Быстро нашелся и второй виновный.

– Оба в туалет, быстро!

Сам он остался в спальном помещении, должно быть, найти новую жертву. Мы с незнакомым мне парнем пошли в туалет. Только там я рассмотрел его получше. Первое, что бросалось в глаза, его полное спокойствие, а затем – лоб, я никогда не видел, чтобы лоб полностью состоял из двух огромных, выпуклых надбровных дуг. Вместе с немаленьким телом это создавало довольно пугающее, отталкивающее впечатление. Я бы, на месте очкарика, такого не цеплял.

– Эдик Луговой. Киев, – кратко представился он.

– Гена Руденко. Киев.

– Откуда?

– Соцгород.

– Тоже нехуево. Я с Подола. Ген, ты молчи пока, я с ним сам поговорю, – Эдик окинул взглядом мою небогатырскую фигуру. Он же всем своим видом внушал уважение. Мы закурили, Эдик уселся на подоконник. В этот момент в туалет влетел очкарик и вмиг опешил, было сразу видно, что он очень растерялся – наш спокойный и независимый вид остудил его пыл.

– Покурим? – неожиданно услышали мы от него полувопрос-полуутверждение.

Позже я узнал, что этот вопрос означает чаще всего просьбу оставить докурить, реже – просьбу дать закурить, но никогда никто в армии, по крайней мере у нас в стройбате, уж и не знаю почему, не просил оставить докурить напрямую.

– Покурим, – Эдик достал пачку сигарет с фильтром и предложил сержанту. Тот вытянул одну.

– Откуда, пацаны?

– Из Киева.

– Сразу видно нормальных ребят. Жить будете. На постелях всех салабонов пробивают. Куда попали работать?

– Я к Шияну.

– А я с комбатом дельце одно замутить хочу, – загадочно ответил Эдик.

– Да..., непростые вы пацаны. Не борзейте только и всё у вас получится.

Он убежал, а мы пошли в спальник. В углу незло били Балясного, с десятков незнакомых салабонов заправляли койки на нижнем ярусе – значит не свои.

- Давай свалим на улицу, а то припашут ненароком на уборку, – предложил Луговой.
Мы вышли из казармы и повалились с Эдиком в густую высокую, давно не стриженную траву позади курилки, почти под кустами, что росли вдоль аллеи. Легли, закурили.
- Чё за дело с комбатом, если не секрет?
- Для тебя не секрет. Мастерскую швейную надо тут открыть, так я себе маркую.
- Чего, чего?!
- Я, видишь ли, брат, как в анекдоте: «а после работы я ещё немножко шью». На Подоле у меня три мастерских было когда-то. Эх, времечко! О цеховиках слышал?
- Знал я одного, известная личность, у него и погоняла была путёвая – Закройщик, Вова Закройщик, по коже он выступал, знатно шил, пальто заворачивал, что тебе в гестапо.
- А он не с Ветряных Гор⁴⁵ случаем?
- Да, – обрадовался я, – я у него был раз дома, ничего хавыра⁴⁶, чековая упаковка⁴⁷. Вова меня мясо по-грузински научил там жарить. Менты подгрести его под белы ручки полгода назад – нетрудовые доходы.
- Я его знаю, его на кичу закинули, когда я только откинулся. Два роки, как с куста. А ты где чалился?
- Бог миловал.
- Не зарекайся.
- Знаю.
- А слова где так правильно складывать научился? Практически путёвая феня⁴⁸.
- Так с Соцгорода же я.
- Парни и я к вам, – рядом с нами в траву повалился длинный тощий Алик Блувштейн, я его знал, он был из моей «двадцатки», я познакомил его с Эдиком.
- Блу-увште-ейн, – медленно протянул Эдик, глядя в небо, – ты чё голубой?
- Сам ты голубой!!! – оскалился Алик.
- Э, парни, тихо! – попытался я сбить начало ссоры, – Ты чего это, Эдик?
- Так судите сами, «Блу-в-штейн» – отдельно и четко произнес он – «Блу» – голубой, а «штейн» – как бы камень, получается «Голубой-в-камень».
- Гы-гы, – даже Алик рассмеялся.
- Ой-ой-ой! Заебаль! – рядом с нами, лежащими, сел в траву четвертый салабон. Большие круглые темные глаза, мохнатые длинные черные ресницы, Средняя Азия.
- А ты откуда такой, чернявый? – спрашивает Эдик новенького.
- Таджикистан.
- Чё, с гор за водой спустился, тебя и загребли?
- Нэт, я живу гор нэт. Я город живу. Студент.
- И где же ты учишься, студент?
- На фи-ле-ли-гический, – это слово давалось ему с огромным трудом.
- А какой язык? – спрашиваю я.
- Рюський.
- Какой, какой? – давлюсь смехом, впервые встретив такого филолога русского языка.
- Рюський, – грустно вздохнул чернявый, покачивая головой из стороны в сторону, – Я не хотел. Я хотел мидициньський. Денег не хватило. Папа сказалъ – дорага мидициньский. И меня поступилъ на фи-ле-ли-гический.
- То есть тебя *поступили*, – мы катались от хохота.

⁴⁵ Ветряные Горы – микрорайон в Киеве

⁴⁶ Хавыра – квартира (жар.)

⁴⁷ Чековая упаковка – импортная, дорогая, приобретенная в «чековом» магазине (жар.)

⁴⁸ Феня – блатной жаргон (жар.)

– Да, я не хотел, – скромно потупил взор мохнатоглазый.

– Вы чё, салабоны, охуели?! Я за вас пиздячить буду? А ну, на взлетку все! – наш смех услышал, вышедший перекурить, дежурный по роте.

– Спалил таки, филолог хренов, – прошипел Эдик.

Мы поднялись и потянулись в роту. Последний в дверях получил от дежурного сапогом ускорение и втолкнул нас в коридор. Последним был Блувштейн.

Корнюша в роте сегодня не было. После развода я поплелся на продсклад. Сначала мы вместе выдали продукты для столовой, а затем Шиян поручил мне поработать в подвале, надо было лопатой просто перебросить оставшуюся картошку с одного отсека в другой. В этом, казалось бы, бессмысленном занятии на самом деле смысл был: картошка сильно гнила и таким перебрасыванием ее можно было слегка подсушить. Сам Шиян уехал на хлебовозке в Одессу. С задачей я справился за часа полтора, картошки оставалось в части немного. Делать было больше нечего, я поднялся наверх, нигде никого не было, я нашел на полках обрывок книги без начала и конца и принялся читать.

– Э, военный, где Шиян? – вошел незнакомый прапорщик.

– Уехал за хлебом.

– Ладно, быстро мухой, дай пару консерв, там... «бычки в томате», тушенку.

Я не знал, кто он, но он был прапорщик, поэтому, зная уже, где и что лежит, я ему дал две банки консервов. Ушел.

– Э, ты, меня Аслан послал, дай две банки консервов, – в двери стоял неряшливый заморыш в грязном хэбэ и туго затянутом ремне. Аслана я знал.

– Бери.

– Э, брат... – через десять минут следующий проситель. Дверь я закрыть не мог, так как запиралась она на внешний висячий замок. Но с внутренней части была еще и решетка, которая тоже запиралась на висячий замок. Чтобы закрыть эту решетку, я просунул руки сквозь прутья и защелкнул замок снаружи. Теперь было такое впечатление, что на складе кто-то есть, но отлучился ненадолго, так как дверь открыта, но решетка закрыта. Я нашел место, которое не было видно от двери. Книга была неинтересной, я скоро заснул.

– Гена! Ты где? – разбудил меня голос Шияна.

Затем мы сидели вместе, пили чай и разговаривали. Я расспрашивал его о нашей части в подробностях. Вот, что удалось узнать:

Наш стройбат обслуживал стройки, которые вело УНР номер такой-то, УНР это Управление Начальника Работ, военная организация, в которой работает много гражданских специалистов. Наше УНР располагалось на территории нашей же части, напротив штаба. Командовал УНР целый полковник, полковник Теплов, но был он больше гражданским человеком, чем военным.

Наш строительный батальон состоял из четырех рот: первая рота непосредственно работала на стройках; чем занималась вторая рота никто не знал, вторая рота в части не жила, а была расквартирована в другой воинской части, в Одессе, в микрорайоне Школьный, говорили «на Школьном». Целиком третью роту мы тоже не видели, некоторые подразделения третьей роты периодически в части появлялись, это были специализированные бригады, присутствия которых на стройке всё время не требовалось, то есть военные строители из этой роты в основном находились в разных командировках по всему Одесскому военному округу, даже их казарма выглядела необжитой. И наконец наша четвертая рота это, по сути, рота обслуживания, наиболее, я бы сказал, цивилизованная рота, с точки зрения наличия среднего уровня образования, по крайней мере. Состояла она из четырех взводов, которые делились на бригады или, соответственно по военному, на отделения. Так первый взвод состоял из реальных строительных бригад таких, как, например, кровельщики, сварщики, стекольщики. Вторым взвод в полном составе работал на Чабанском свиномане, приписанном за нашей частью, там ребята и жили,

в части не появлялись даже по праздникам, мы их лиц не знали. В состав третьего взвода входили вспомогательные бригады РБУ, УММ, ОГМ и УПТК. Четвертый взвод был хозвзводом, всякие там повара, водители хлебовозок, водовозок, г-новозок, банщик, сапожник, котельня, медпункт и т.д.

Командовал частью майор Бочкарев, начштаба – майор Алданов, замполит – майор Кривченко. Нашей ротой командовал капитан Саприкин, замполит – старший лейтенант Вилков, старшина роты – прапорщик Корнюш. К началу моей службы командирский штат не был полностью укомплектован, у нас были только два настоящих комвзвода – прапорщик Байков, первый взвод и командир хозвзвода прапорщик «Монгол» – иначе его никто не называл. Дело в том, что перед Чабанкой он пять лет прослужил в Монголии, вернулся оттуда с новенькой «двадцатьчетвертой волжаной». Эта машина мозолила всем глаза – прапорщик и на «Волге», его недолюбливали и поэтому все, даже вежливый Корнюш, называли его не иначе, как Монголом.

Призывы солдат по количеству были очень неравномерные от года к году и поэтому в нашей роте было, примерно, 40% дедов, 40% нас – салабонов и только по 10% молодых и черпаков. То есть, если отслужить первые полгода нормально, не опуститься, то остальные три четверти отмеренного срока можно служить на правах, практически, деда. Но опуститься легко. Даже если стали тебя припахивать каждый день просто на уборку, то времени не останется подшиться, нормально помыться, постираться, а если ты грязный – назовут чушком. А это уже клеймо, теперь просто так не отмыться, ты уже на первой ступеньке в бездну. Я уже не говорю, если согласился заправить кому-то постель, это точно прямая дорога стирать чужие портянки вскорости.

Отношение к внешнему виду трепетное, по одежде сразу можно определить срок службы и положение военного срочной службы, а это самое главное в отношениях, важнее воинского звания. Если салабоны ходят в не подогнутой одежде, обычно на размер, на два больше, включая черные сатиновые трусы до колен, подшивка грязная, колени на хэбэ выглядят засаленными от постоянного стояния на них во время мытья полов, сапоги «вмятку» со стоптанными каблуками и, конечно, не начищены, внутри задеревенелая от грязи и узкая от сотни стирок портянка, негнувшийся ремень из кожзаменителя затянут до предела, кстати, этот предел должен быть равен длине окружности головы, обхватываешь ремнем голову под подбородком и к затылку – это и должна быть талия салабона. Верхняя пуговица и крючок на хэбэшке застегнуты, все пуговицы и пряжка на ремне тусклые; то старослужащий выглядит совсем иначе.

Вот типичный портрет дедушки Советской армии того времени: сапожки по размеру и блестят, к низу голенище сапога собирается в аккуратную гармошку, на каблуках специальные набойки цокают и искрят в темноте, чем восточнее жил до армии носитель, тем выше наорощен каблук и тем более он скошен по моде начала восьмидесятых, на ногах вместо портянок носки, на теле гражданские футболка и трусы, выгоревшее, а то и отбеленное хлоркой, хэбэ ушито донельзя, крючок расстегнут, ворот расправлен как можно шире, белоснежная подшивка, кожаный ремень с трудом удерживается где-то в районе бедер, выбеленная пилотка лихо держится на неуставном месте головы, а зимой шинелка с начесом, а на голове шапка со сшитыми вместе ушами. Парни с востока нашей необъятной Родины шапку слегка мочили, натягивали на стопку книг, собранных в блок по размеру, и утюгом придавали сторонам прямые углы – идет такой, а на голове ровненький кубик. Ну, не красота ли!!? Эх, картины бы писать...

Часть наша была необычной со всех точек зрения. Если старослужащие Советской армии на всех просторах Союза старались согнуть пряжку ремня только слегка сверх установленной нормы, то у нас её начали сгибать почти в трубочку. А после общего приказа по части «всем разогнуть пряжки ремней», разогнули их полностью, в ровненькую плоскость, так эта мода и закрепилась, полностью в соответствии с сидевшим в нас духом противоречия.

Возвращаясь к шапкам и пилоткам: по одному головному убору, а именно головной убор определяет форму одежды в армии, то есть пилотка – значит летняя форма одежды, шапка – зимняя, можно было определить не только время года. Был приказ Министра обороны о переходе на зимнюю форму одежды, все – жарко не жарко, ходи без шинели, но шапочку надень. Так вот, по одному головному убору можно определить и срок службы с точностью до полугода. Часто салабон натянет пилотку чуть не по самые уши, тогда слышишь приказ:

– Сними пизду, надень пилотку!

И точно, было похоже на это самое, если натянуть пилотку, как тубетейку. Но весь этот опыт, все эти тонкости придут со временем, а пока я был салабоном.

К вечеру на продскладе снова, как и вчера, начали собираться хозвзводские пацаны. Наверное по традиции, водитель хлебовозки привез вино, у этого водителя была странная для моего уха фамилия Гейнц. Я был уже почти своим, сидел за столом на равных.

– Не поняль!? – я обомлел, в двери появился Сапог, – Почему салабонь с дедушками курит?

– Остынь, Сапог, – Шиян ему.

– Как остынь? Непольжено!

– Польжено! – передразнил его водитель хлебовозки, – кончай цирк, не в роте. Хочешь, лучше я тебе новый анекдот про молдован расскажу?

– Не хочу, фашист урюкский! – совершенно без злобы.

Сапог уже улыбался, подал мне руку и представился:

– Костя Сапог. Сапожник! – гордо.

– Гена. Гена Руденко.

Костя был совсем не страшным, сам родом с забитого молдавского села, образование не начатое среднее, акцент ужасающий. Все молдаване припадают на мягкое «л», у Кости же это было как «львьь» и говорил он по типу «моя твоя ходи кино». Надо заметить, что в Одессе все анекдоты про молдаван, как в России про чукч и Урюпинск. После всех матов, перечисления родственников оппонента и типов сожительства с ними драка обычно начинается после последнего, самого тяжкого оскорбления: «да, ты же молдован!!!» и вот уже слеза размазывается рукавом по грязному лицу и с криком «а ты кто такой?!?!»... ну, дальше все знают.

Несмотря на знакомство с Сапогом, ночью я, как и другие салабоны, маршировал в трусах по взлетке, принимал «упор лежа», отвечал в поэтической форме на «вопрос» – «день прошел», отжимался и отбивался⁴⁹ на время. А следующим утром меня поставили на полы и я мыл свою часть полов по соседству с боксером-тяжеловесом Сергеем Войновским. Работать, как меня научили в хоззведе, это «не запаadlo», «запаadlo» другим прислуживать. Как говаривал товарищ Чацкий: «служить бы рад, прислуживаться тошно».

– Ну кто так моет поль? – в майке, тапочках и галифе за нашей спиной появился Сапог, – Так, Руденька неси ведро чистой вода.

Я принес.

– Вот, как надо! – с этими словами Сапог, к моему ужасу, выплеснул сразу все ведро на пол, схватил тряпку и начал ловко вытирать воду. Тряпка быстро намокала, он ее часто выкручивал в ведро, только когда ведро снова стало почти полным, но уже грязной воды, Сапог удовлетворенный разогнулся. На 25–30 квадратных метрах пол сиял, прошло буквально три минуты.

– Меня дедушка Хасан гоняль, он мне два зуб выбиль, я весь казарма мьль, – радостно сообщил он нам с Серегой.

⁴⁹ Отбиваться – выполнять комплекс действий по команде «отбой».

– Рота, выходи строиться на утреннюю проверку, – заорал дежурный по роте. На этот раз и я не успел начистить сапоги, а надо бежать. На аллее, пока мы строились, хмуро выхаживал Корнюш. Наконец мы замерли, он обвел нас тяжелым взглядом.

– Предупреждаю, сегодня утром Людка не дала, буду ебать всю роту.

По строю шелест недовольства неизвестной мне Людкой. Из казармы прибегает опоздавший заморыш-салабон, очевидно с уборки туалета.

– Товарищ прапорщик, можно стать в строй?

– Можно Машку за ляжку, в армии положено говорить «разрешите». Не слышу, боец?!

– Разрешите стать в строй?

Корнюш молча продолжает сверлить взглядом бойца.

– ...товарищ прапорщик, – наконец догадавшись, заканчивает он.

– Стать в строй!

– Есть! – парень становится в первую шеренгу и немедленно оттуда вылетает от увесистого удара в спину.

– Что не стоится, военный?

– Виноват, товарищ прапорщик, – занимает снова свое место в строю.

– Рота, слушай мою команду! На-пра-а-во! Шаго-ом марш! – в столовую мы сразу не пошли, двадцать минут старшина гонял нас по плацу, на завтрак осталось только одна минута. Для меня не беда – я на харчах. А как остальным?

За моим столом на завтраке оказался тот очкарик, что просил заправить его койку. Он налил себе чай, намазал хлеб маслом, посыпал его сахаром и стал только попивать чаек, отказавшись от каши «дробь двенадцать». Я не мог отвести взгляда от его руки, как он держал солдатскую железную кружку, «по интеллигентному» оттопырив на все девяносто градусов мизинец. Это был немец, фамилия Мерге. Их было несколько у нас в роте: Мерге, Гейнц, Менго, Раушенбах. Это были казахские немцы или немецкие казахи, не знаю как правильно, не зря Сапог назвал Гейнца фашистом урюкским.

После развода прапорщик приказал роте остаться на плацу. Мы стояли под солнцем, по строю раздавались смешки, я не понимал почему.

– Рядовой Глазунов, ко мне!

– Есть! – от строя отделилась долговязая фигура Бори Удава.

– Ты, что в Бразилии на набережной? Уже в белых штанах? Что у тебя с хэбэ, рядовой военный?

– Выгорело на тяжелой, непосильной работе, товарищ прапорщик.

Удав был в, практически, белоснежном хэбэ, но и это было не все, прапорщик еще не видел, но мы в строю, и теперь уже все, и я в том числе, видели, что у, стоящего к нам спиной, Бориса был нарисован ярчайшими красками красивый удав на всю спину. Мастерская работа художника Николаева, понятно.

– Глазунов, кто может быть гражданином Непала, знаешь?

– Так точно, товарищ прапорщик, знаю.

– Кто? Повтори для всех.

– Гражданином Непала может быть человек зачатый не-пальцем и не-палкой.

– Так ты, что думаешь, что я пальцем деланный или палкой? Твое хэбэ наверное сутки в растворе с хлоркой выгорало. Стать в строй!

Удав четко на левом каблуке развернулся кругом, но не успел сделать и первого шага.

– Стоять...! Клоун! – прапорщика душил смех, видно было, что ему по душе такая наглость. – Кру-угом! Испорченное хэбэ сдать мне, получишь новое, стоимость будет вычтена с лицевого счета. Автору передай, что я ему объявляю наряд вне очереди. Стать в строй!

Мы приняли в строй героя, бормочущего себе под нос что-то вроде, дескать, хрена он сдаст хэбэ старшине, его теперь в музей сдавать надо, а не в каптерку. Мне Корнюш приказал зайти к нему сразу после развода.

– Не, ну ты видел таких клоунов, а? – прапорщик был теперь в отличном расположении духа, – Геш, значит так, давай меняй дневального. Теперь ты в наряде, дневальным. Ничего страшного – ночь позади, утренняя уборка позади. Вам, дежурной смене, надо только казарму и территорию прибрать к шести часам, до развода. Так что время у нас есть, поболтаем.

Я заменил дневального, тот уехал со своей бригадой на работу. Дежурный по роте на тумбочку, по приказу старшины, поставил второго дневального, а я снова пошел в старшинскую каптерку.

– Я так понял, что с Николаевым у тебя ничего не вышло. Шиян тоже хороший вариант, – как бы между прочим известил меня о своей всепроникающей осведомленности прапорщик.

– Честно говоря, я бы хотел в рабочую бригаду, УПТК – моя мечта, там мои друзья.

– Не дури. В УПТК бывает работа – врагу не пожелаешь. Продсклад – место правильное и уважаемое.

На следующий день я был в уважаемом месте. Шиян снова уехал в Одессу, а я не успел укрепить оборону, как опять пошли ходоки. Не умея их сортировать, я выдавал и выдавал им пропитание, от пяток к животу подкатывал тихий ужас – что я скажу Шияну?

– Сколько?! Да ты че, с ума сошел? За два дня, что ты здесь, раздал 18 банок консервов, масло, сахар, 4 буханки хлеба!!! И кому?! Да если проверка, наши яйца считай уже гвоздем к стене прибиты! Беги, зови Ахунова.

Я позвал старшего повара, это был неулыбчивый парень с лицом сплошь покрытым глубокими оспинами.

– Не, Шиян, кароче, столько я не спишу. Ебать этого салабона надо, – он неспешно закурил.

– Еби не еби, а тушенку он не родит. Вопрос решать надо.

– Кароче, думать надо.

– Давай думать. Руденко, ставь чай.

– Сразу я не спишу, а дней за десять спишу.

– Ты что Царькова не знаешь? Он же проверку может устроить в любую минуту.

– А ты пока выпизи, кароче, все по документам на командировку, типа отправил. На командировке до конца недели не проверят, а если проверка на складе – у тебя все бьет. Не будет проверки, я спишу, ты накладную и уничтожишь.

– Голова!

– Я четыре года в Ташкенте в ресторане работал, там таким каруселям научишься! Кароче, с тебя мешок гречки.

– Не борзей, имей совесть, гречка стоит больше, чем ты спишешь.

– А я поделюсь, – усмехнулся «кароче».

– Ладно, потом поговорим, – Шиян застеснялся меня.

А в конце рабочего дня он сказал, что ждет меня и на следующий день. Я ему только не сообщил, что я не хочу работать на этом хлебном месте. Он был хороший человек и я не хотел его обидеть.

Вечером мы имели редкую возможность переговорить с Войновским. Хоть и койки были у нас рядом, но после всех этих «отбой-подъем», маршировки, декламации хором дембельского стишка, разговаривать не хотелось, хотелось спать. А в этот вечер замполит поручил мне изготовить «Боевой Листок» – небольшого формата военное настенное еженедельное медийное творение. Надо заметить, что единственную газету «Защитник Родины», которая приходила в часть, использовали исключительно в соответствующем месте в мятом виде – читать там было нечего. «Боевой Листок» хотелось сделать читабельным и я привлек Войновского.

Я действительно немного умел рисовать и писать плакатными перьями, но почерк, для написания заметок ручкой или фломастером, у меня был страшный. Войновский же, как студент строительного института, умел писать просто образцовым каллиграфическим почерком. Мы сидели в канцелярии, нас никто не трогал, а в казарме то и дело раздавались уже привычные крики, топот строя босых ног по взлетке, хоровое и одиночное исполнение поэмы о дембеле.

– На Кулиндорово у нас нормально, дедов вообще не видно. Их у нас вместе с бригадиром Аликом двое, не считая Карагенова, который только числится. Они целый день мотаются, что-то продают, на дембель зарабатывают. И нам перепадает – в соседних со станцией заводских столовках покормят бывает, если мы для них чего спиздим, конечно. К вечеру они все бухие, бывает и в часть не едут, остаются на поселке Котовского, там где-то общага женская, они туда к зазнобам своим бегают. А ты как? Тебе теперь в столовку можно вообще не ходить. Круто!

– Не прав ты, Серега. Во-первых, целый день нечего делать. Знаешь, как время долго тянется? Потом, представь, к тебе постоянно ходят и просят, просят, требуют продукты, а ты не знаешь кому дать, а кому нет.

– Научишься.

– Не научусь. Не хочу. В бригаду хочу. Не хочу быть придурком.

– Кем?

– А ты что не знаешь, что так называют тех, кто на теплом непыльном месте устраивается. Таких презирают. Я, по крайней мере, презираю и поэтому не хочу.

– Не дури.

– Тебе легко говорить. Ладно я на горшок схожу.

– Дождался бы пока деды улягутся – припашут же.

– И сколько ждать? Пойду.

В туалете я впервые увидел, как стирают хэбэ. Какой-то салабон разложил дедушкино хэбэ на длинной узкой полке над ржавыми трубами, на которую обычно кладут умывальные принадлежности. Боец остервенело тер хэбэ обычной сапожной щеткой, намыленной вонючим хозяйственным мылом. Дедушка курил, сидя на подоконнике, и контролировал процесс. Я постарался ускориться.

Некоторые деды опускали салабонов агрессивно с мордобоем, а другие предпочитали иную тактику, как по мне, так более иезуитскую. Они вначале вежливо просили молодых о небольшой услуге, об одолжении.

– Слышь, землячок, зашиваюсь. Мне, бля, в наряд, надо подворотничок пришить, а я, понимаешь руку на стройке повредил. Не могу быстро шить. Браток, выручай, а там и тебе нужда, типа, будет, я уж помогу.

Как такому отказать, когда кругом только и слышишь истеричные крики, когда кругом только и видишь грязные кулаки, входящие в соприкосновение разной силы с губами салабонов? А они ещё и вежливые такие – благодарят за исполнение. И просили сделать что-нибудь ещё. И ещё. И не успевал салабон опомниться, как оказывался уже в личном услужении. И это было только началом дороги вниз. В какой школе психологов этому их обучали? Из образования – три класса, коридор, двор, подъезд и малолетка..!

Замполиту наш «Боевой Листок» понравился. Очевидно, он уже заглянул в мое личное дело и узнал, что я был комсомольским секретарем школы, активно участвовал, как тогда писали в характеристиках, в общественной жизни университета. Не знал он только, что вожаком комсомольским в школе меня назначили в виде эксперимента. Уже после школы призналась мне наша зав по воспитательной работе, в чем состоял эксперимент. В нашем неблагополучном районе только отличники и хорошисты слушались комсомольского секретаря, другие в комсомол и вступать не хотели. А в школе на Соцгороде тех отличников на весь выпуск один-два. Помню, вспоминали мы наши школьные годы с приятелем моим уже в университете, он закончил знаменитую «сто сорок пятую» в центре Киева. И оказалось, что из его класса только

трое не поступили в высшие учебные заведения, а из моего класса только трое поступили, остальные – или зона или завод. Вот такое вот совпадение в числах.

И тогда решили выбрать-назначить секретарем комсомольской организации человека, кто и учится неплохо и сам хулиган или, по крайней мере, с хулиганами на короткой ноге. Выбор пал на меня. И как оказалось, удачный выбор, по заявлению нашей зав годы спустя. А в характеристике из университета, слава Богу, не написали сколько у меня было приводов в милицию. Нет, бандитом я не был, но выпить мог и по глупости попасть «в виде несовместимом с моральным обликом строителя коммунизма». «Кароче» замполит положил на меня глаз. А Корнюш был ревнив, что тот Отелло, если уж его человек, то его.

На следующий день я поговорил с Шияном, признался ему, что не могу работать, не работая. Он, к моему удивлению, не обиделся, а даже, как мне показалось, с уважением посмотрел на меня или мне только хотелось, чтобы так было. Не знаю.

– Гена, мне по любому надо смену искать. Парень мне нужен надежный, со сноровкой, не простой. Да, что я говорю, ты и сам за эти дни понял, кто может работать на складе.

– Есть у меня один человек на примете. Не судим. Студент Киевского пищевого института, с моей командой попал сюда. Я его немного знаю, спокойный, умный. Алик Григорян.

– Армянин? Из Киева?

– Да, он приехал в Киев учиться на винодела.

– Ну, приводи, посмотрим.

Через месяц Алик уже ходил в ушитом хэбэ со связкой ключей на цепочке, притороченной к галифе. Надо заметить, что такая связка была вожаденной мечтой очень многих, ибо означала она, не только то, что у тебя есть свой закуток, но и власть. В чем беда совместного проживания в армии? В том, что нет возможности уединиться, нет места побыть самому, нет возможности иметь хоть что-то не по уставу: радиоприемник или гражданку⁵⁰, кипятильник или конфеты, карты или дневник, да мало ли что. Ведь в казарме, в тумбочке, все только то, что может находиться там по уставу: умывальные принадлежности, письма, книги, газета «Защитник Родины» и все, пожалуй. Свои ключи не только позволяли иметь больше, но и выбирать, кому позволено пользоваться частью твоих благ, а кому – нет. Надо отдать должное, Алик никогда не забывал, кто ему помог получить заветную связку ключей.

– Всё, решено! Будешь каптерщиком. На ключи, принимай дела, – сказал мне Корнюш.

Это уже был просто царский, по армейским понятиям, подарок. Каптерок было две: каптерка старшины с особо ценными вещами и солдатская – с парадками, шинелями и постельными принадлежностями. Каптерка это отдельная комната размером метров 30 квадратных. Входная дверь, напротив два окна и письменный стол между окнами, а по бокам полки, на которых висит или лежит солдатская одежда. Внизу стоят ботинки от парадки, потом самое большое отделение, в котором висят, собственно, парадки и шинели, а сверху на полках лежат головные уборы. Места для того, чтобы прятать полезные вещи, хоть отбавляй. На следующий день было воскресенье.

После двух яиц вкрутую и гречневой каши умиротворенная рота вернулась в казарму. Два яйца на завтрак – значит воскресенье и календаря не надо. На работу из наших командиров вышел только Корнюш. Старшина раздавал увольнительные листы тем, кому повезло. Остальные занимались своими делами, деды смотрели телевизор – показывали любимую в Советской армии передачу «Утренняя гимнастика», в моду тогда входила аэробика, из ленинской комнаты, где стоял телевизор, раздавались вздохи, охи и специфические комментарии. Салабоны, по своему обыкновению, ныкались⁵¹ по углам, чтобы их не припахали. Кто не успел, закатывал уже рукава.

⁵⁰ Гражданка – гражданская форма одежды

⁵¹ Ныкались – прятались (жар.)

Я же выдавал парадки тем, кто шел в город.

– Руденька, что ты мне даль?! Это не мой фуражка.

– Костя, я не могу найти твою, бери эту, размер же подходит.

– Да эта салябонистая очень.

– Художник, дай ботинки поновей.

– Служба, дай новье, чтоб муха не еблась.

– Дай...

– Охуель?

– Дай...

– Поменяй...

– Поставь мою парадку...

Глагол «повесить» в лексиконе у большинства моих сослуживцев отсутствовал. «Поставь фуражку», «поставь шинель» и не иначе. В течении двух часов я отправлял военнослужащих в увольнение.

– Геш, нормально всё. Вечером примешь людей, как положено. Смотри, чтобы тебе чужого не втерли. Гроссбух веди аккуратно, – подбадривал и учил меня Корнюш, – нам белье постельное привозят из прачечной по пятница или субботам, но вчера там у них воды не было, белье будет сегодня, так что вечером перед отбоем поменяешь всем белье. А пока отдыхай, заходи ко мне, как время будет.

Мне и ныкаться никуда не надо было, теперь у меня были свои ключи и свое место. Как для большинства, так просто мечта, сладкий сон.

Безумие началось вечером, когда деда вернулись с Одессы. Корнюш провел вечернюю поверку на взлетке. Я в строю не стоял, я находился как раз напротив строя, дверь в каптерку была нараспашку, я пересчитывал, полученное из прачечной белье. Строй показался мне странным, некоторые были навеселе, это-то было близким и понятным, но некоторые, если не сказать многие, выглядели, мягко говоря, странно: дурацкие ухмылки, глаза под толстой мутной поволокой смотрят сквозь предметы, речь заторможена.

– Половина роты обкуренных! Суки, кто траву в роту принес? Узнаю, сгною же, – старшина бесновался. Строй молчал.

– Так, меняем белье и спать, наркоманы. Завтра разбираться будем. Пойдете вы у меня ещё в увольнение!

Он ушел к себе в каптерку, грохнув дверью. А через пять минут, моя оборона пала. В каптерке находились, кажется, все деда одновременно, они спокойно перебирали белье, портянки в поисках почище и поновей. На меня никто не обращал внимания. На шум пришел Корнюш.

– Выйти всем из каптерки!

Его слушались, не бегом, но все, кроме меня, вышли.

– Что, солдат, не можешь выгнать всех на хуй?!

– Да, я только успел отвернуться, чтобы первому портянки поменять, а здесь уже полная каптерка людей.

– Не справляешься, будем решать вопрос.

– Справлюсь, товарищ прапорщик, но мне помощь нужна, пока я меняю, чтобы кто-то в дверях на страже стоял. Можно Сергей Войновский?

– Можно только Машку...

– Виноват, разрешите, товарищ прапорщик?

– Бери, – я позвал Серегу и мы начали менять белье вдвоем. Его могучая фигура заслоняла дверь. Снова просьбы, угрозы, но порядка стало больше. Конечно, я вынужден был сортировать на новое и на менее новое, на чистое и на менее чистое. Первое попадало старослу-

жащим, а второе менее старослужащим. Мы закончили, пересчитали. Непонятным образом исчезли пять полотенец, три пары портянок и две простыни.

– Ну, как результат? – в дверях снова появился Корнюш.

Я доложил о недостатке.

– Рядовой Руденко, зайдите ко мне.

Понурившись, я пошел в каптерку старшины, он меня впервые назвал на «вы».

– Это тебе будет уроком. По правилам строительных частей, вся недостача покрывается с твоего личного счета. Прикинь, зарплата каптерщика 58 рублей, с тебя в месяц за все услуги проживания в армии удерживается от 45 до 55 рублей, если у тебя недостача – ты должен. Всё... Вон с той полки возьми все новое и доложи в общую кучу, на первый раз бесплатно. А, кстати, у тебя все всё поменяли?

– Ну да, из стираного же ничего не осталось.

– А как же повара, которые придут в казарму только ночью? А дежурный по штабу, а медбрат?

– А как же так могло получиться?

– Иди и думай. И подумай, как в будущем такой запас иметь, как я имею. Каптерщик, Геша, это тонкий интеллектуальный труд, это тебе не твоя ядерная физика, здесь голова нужна. Свободен!

Следующая неделя ничем особым не запомнилась. Время тянулось бесконечно долго, я целый день мог ничего не делать, главной моей задачей было принять по счету в пятницу белье из прачечной и произвести смену белья в бане в субботу. В баню мы ходили в соседнюю общежитиевскую часть, сопровождал нас почти всегда Корнюш. В бане он любил рассматривать подробности нашего сложения. С каким восторгом он смотрел на водителя Валеру из Николаевской области, он просто гордился, что у него есть такие бойцы. Валерка, долговязый, сутулый парень был с очень редкой, как я понимаю, болезнью, которая, наверное, и направила его в стройбат – у него не было ребер в одной стороне грудной клетки или может быть они там и были, но совсем не развитые. Таких бойцов у нас было двое, моего призыва Валера Самотуга и черпак Гулямов, но только у Самотуги отсутствие на своем месте ребер, очевидно в соответствии с законами сохранения, вызвало наличие излишней массы между ног, как будто все эти недостающие ребра там вместе и собрались. И на изготовление Евы Всевышнему уже ничего не осталось. А жаль. Для Евы.

Прапорщик становился в дверях между раздевалкой и душевой и комментировал возможности всяк входящего и выходящего.

Еще на этой неделе я обратил внимание на одного солдата, салабона, который, практически, все время проводил в бытовой комнате или, как мы ее называли, в гладилке. Он сидел там на табурете и смотрел в окно. Сколько деды не пытались припахать его, он ни разу не встал, бормотал, что русский мол очень плохо знает. Как-то даже Корнюш ему пригрозил, что мол следующим утром он должен убирать туалет, ответ был лаконичным:

– Когда я армия уходил, мне старший брат сказал уборный не убирай. Род тебя проклянет, если чужой хавно дотронешься.

Это был Султан Тимирханов, единственный чеченец, который, как водитель с большим стажем, попал служить в нашу роту. Он очень горевал, что его разлучили с его соплеменниками, он хотел оказаться вместе с другими чеченцами в первой роте. Слухи о том, что произошло в первую ночь в первой роте обошли всю часть и поэтому от Султана у нас в роте быстро отстали, так сказать, от греха подальше. Деды решили, что один он погоды не делает.

Как-то невольно я подслушал разговор дедов в умывальнике, сам я был, прошу прощения за интимную подробность, в туалете, а двери между двумя этими помещениями не существовало.

– Этот Карев совсем охуел. Значит так, Камбала, подходишь к Кареву и говоришь ему, типа...

– А че я? Он, что со мной разговаривать будет? Он, сука, сразу в зубы бьет.

– Тебя, Камбала, скоро все салабоны чмырить⁵² будут, ты им скоро портянки во рту стирать будешь, как полтора года назад Хасану носки стирал, гандон.

– Да пошли вы..., – Камбала со слезами выскочил из умывальника.

Маленький Камбала с приплюснутым лицом, русский из Казахстана очень хотел быть дедом, но его никто не боялся. Один глаз у него был нормальный, а второй какой-то остановившийся. Мне его было жалко. Он и меня пытался припахивать, но ему достаточно было пристально посмотреть в глаз, как он тушевался и отходил. А за Юрку я порадовался и позже передал ему этот разговор. Буквально на следующий день Камбала подошел к Кареву – наверное таки достали его однопризывники. Мы стояли на крыльце и курили, был с нами и Карев, стояли и деды, мы ждали команды на построение. Юрка действительно не разговаривал, он дождался пока Камбала закончит свое вступление и, не вынимая сигареты со рта, сразу достаточно сильно ударил того кулаком в лицо. Камбала по киношному слетел с крыльца. Никто из дедов не вписался⁵³. Камбала плакал. Юрка помог ему подняться. Я видел, что ему тоже жалко этого бедного парня, но он поступал в соответствии со своими понятиями и иначе поступить не мог. Юра был цельным человеком, в чем я впоследствии имел возможность крепко убедиться.

А еще в эти дни, как-то незаметно, в роте появился еще один солдат нашего призыва – Саша Баранов, кислая физиономия, губы как вареники, фиксирующий пристальный недобрый взгляд. На самом же деле умный и деликатный парень, внешний облик которого не совпадал с его внутренним содержанием. Мы познакомились, оказалось, что он из Одессы. Одессит и попал служить в Одессу... Значит неспроста. Это производило нужное впечатление. На самом деле был Сашка из под Львова, а в Одессе жила его родная сестра замужем за влиятельным человеком в Одесском порту. Сашку призвали, как и других студентов в тот год, поздно и поэтому он, человек здоровый и не судимый попал в стройбат, но не в наш, а в другой, в Симферопольский. Сразу после присяги он оказался «на командировке» в Бердянских степях. Надо заметить, что нет хуже для салабона места в армии, чем командировка. Офицеры почти всегда отсутствуют, порядок поддерживается только дедами и, конечно, начинается беспредел, а с беспредела надо валить. Одному салабону, по его же просьбе, Сашка расплюснул кисть кувалдой, сам прыгал с третьего этажа на стройке, в надежде сломать ногу, но не сломал, даже не растянул. Не понравилось ему там очень. Были включены одесские механизмы и вот он с нами, мой друг на долгие годы.

Что ты там сейчас подельываешь, Барашек, в своей Канаде?

⁵² Чмырить – унижать (жар.)

⁵³ Вписаться, дать подписку – встать на защиту (жар.)

Август 1991. Одесса

Ах, Одесса! Ох, коммуна! Звонить по междугородке было дорого и неудобно, мы писали друг другу письма. Читая письма Баранова, мы с женой заливались слезами от смеха. Женившись вскорости после армии, Сашка с женой Инной мыкались по коммунальным квартирам, по-одесски: по коммунам. Сначала снимали угол, спали вдвоем на одной скрипучей раскладушке, а за ширмой бабка-хозяйка, скрипеть нельзя. Сашка красочно описывал, как они исполняют свой супружеский долг, не шевелясь. Потом комната в коммуналке. Учиться не было никакой возможности, Сашка торговал и не просто торговал, он был поэтом товарно-денежных отношений. Тогда все – и студенты и профессура мотались по разным Польшам, покупали здесь – продавали там, покупали там – продавали здесь. Барашек старался всегда найти нестандартный подход, если все везли обувь ходовых размеров и наши рынки были в то время забиты плохой, дешевой обувью 42 и 43 размеров, то Сашка там, в Польше, в Югославии, в Турции покупал 45 и 46 размеры и продавал здесь намного дороже и быстрее своих коллег по Староконному рынку, так как у несчастных владельцев больших ног выбора особого не было, магазины были и вовсе пустыми. Это Сашка в Польше увидел белые пластмассовые вазочки для рассады и первым соединил их с дешевыми пластмассовыми же цветами из ритуальных магазинов. Помните? Все наши рынки были полны всеми вариантами этого Сашкиного изобретения. Вечерами он, Инна и их маленькая дочь Лера садились за семейный подряд: Лера находила в общей куче чашечку и к ней ножку, Сашка прокалывал шилом, а затем ножом доделывал дыру в чашке, Инна вставляла в дыру цветочки, обрезала то, что торчало снизу, а Сашка присоединял ножку к чашке. Все, подарок к 8 Марта готов, а семье два рубля чистой прибыли. Торговля шла ночью. Рынки в Одессе жили настоящей жизнью только ночью, именно ночь – время настоящего бизнеса, а днем это так, немного для налоговой инспекции – им же тоже надо было с чего-то кормиться.

Так появилась возможность купить комнату, уже свою, Сашка купил даже две. Это тоже была конкретная одесская коммуна. На улице Ковалевского, что в пяти минутах ходьбы от Нового рынка, к студенческому общежитию примкнула, примазалась с торца хибара. Если открыть зеленую железную калитку, то можно увидеть проход между стеной пятиэтажного общежития слева и собственно хибарой справа, проход не широкий, метра полтора всего. В этот проход выходило четыре двери четырех хозяев, одним из хозяев стали «куркули» Барановы.

Я любил бывать у них в гостях, любил смотреть, как Сашка каждый вечер с подвала доставал трехлитровую банку и пересчитывал деньги, деньги Сашка хранил только в «банке». Я любил вечерние разговоры после ужина и бутылочки водки, чисто по-одесски обсуждались знакомые, знакомые знакомых, последние гости и власть. Власть сильно ругали, ругали за мусор во дворах, за отсутствие света и воды, за дороги. Вот в этом месте я всегда начинал нервничать. Спрашивал, а кто из присутствующих в своей жизни хоть раз платил налоги? Вся Одесса работала и торговала «в темную». Какой свет, откуда вода?

Я тогда был директором двух малых предприятий, одно из которых было связано в некоторой степени с ювелирным бизнесом, мы производили оригинальные ювелирные украшения, а одесский ювелирный завод делал нам огранку наших синтетических корундов, сапфиров. Эти контакты и были поводом моих частых визитов в Одессу, останавливался я обычно у Барановых. Скорый фирменный поезд «Черноморец» приходил в Одессу рано утром, от вокзала я доезжал троллейбусом до центра, а дальше пешком шел по Садовой до Нового Рынка и налево, затем сквер напротив института и направо.

Однажды приехал я утром в Одессу. Иду уже по Садовой и вспомнилось мне мое первое увольнение в Одессу, четко так, детально, до запахов. И захотелось зайти в какую-нибудь

забегаловку, пронзительно захотелось столовской еды. Знал я, что Инночка ждет меня с поезда с горячим завтраком и, конечно же, обидится, но уж очень меня «пробило на ностальжи». Напротив Нового рынка одно из заведений было уже открыто в тот ранний час, я зашел. Это было то, что нужно – грязная стойка самообслуживания, пластмассовые столики покрыты мытой клеёнкой, злая неопрятная, ярко покрашенная в семь утра тетка за кассой.

– Пельмени есть?

– Будут через час. Из второго только вермишель с бифштексом.

Я взял серый скользкий поднос, тарелку вермишели с бифштексом и чай. Землистого цвета вермишель была холодной и горкой возвышалась над тарелкой, из под вермишели одним боком выглядывал бифштекс. Я начал есть. Это было именно то, что я хотел в те минуты – некачественная холодная еда специфического столовского вкуса. Гнutoй, плохо мытой, черной между зубцами алюминиевой вилкой я ковырял с одной стороны бифштекс, постепенно уменьшал горку вермишели. В это ранее время в забегаловке я был один, если не считать кассира и примерно тысяч так с двадцать пять мух.

Подхватив на вилку очередную порцию вермишели, я обнаружил, что мой бифштекс уже кто-то ел. То есть он был на треть уже съеден и надкушенную сторону просто прикрыли сверху горкой вермишели и продали еще раз. Консистенция бифштекса была такой, что можно было рассмотреть строение зубов кусавшего, предыдущий едок, очевидно, не был из высшего света, он просто нанизывал весь бифштекс на вилку и откусывал.

Я расстроился? Я бросился жаловаться? Нет. В полной мере теперь я почувствовал, что я в Одессе. С чувством абсолютно полного удовлетворения я встал и вышел. Я был счастлив! Но больше делать так бы не стал.

За сбычу мечт!

Август 1984. Первое увольнение в Одессу

В воскресенье я переделал ребят, стараясь сделать это побыстрее, потому что старшина обещал отпустить сегодня и меня. Я очень хотел оказаться в Одессе, я очень скучал за гражданской едой, моей мечтой была обычная пельменная, да и просто нормальных людей увидеть хотелось, людей которые не носят сапоги в такую жару. Когда я получил свою увольнительную, все счастливики уже давно уехали. Автобусом «Григорьевка – Новый рынок» доехал до конечной, до Нового рынка, а потом, расспрашивая дорогу, пешком до Потемкинской лестницы. В этой точке я уже мог самостоятельно ориентироваться.

Прежде всего надо было удовлетворить потребность. Очень хотелось найти пельменную с «сидячими» местами. Но до самой Потемкинской мне не встретилось ни одной. Пельменных была масса, но все как забегаловки, с высокими столами-стойками. Эти заведения были созданы не для еды, а для питания, для скорейшего приема пищи внутрь спешащего туловища, а мне надо было воплощать светлую солдатскую мечту неспешно и, желательно, сидя.

Наконец я нашел то, что искал – как раз напротив памятника Потемкинцам располагалось приличное заведение с нормальными столиками и с ненормальными ценами. Но разве есть цена у мечты?!

– Вам с горчицей, уксусом или сметаной?

– Мне полторы порции с горчицей, уксусом и сметаной.

Немного сбережений у меня было, счет я им знал, мне еще хватало на мороженое и сладкую воду на потом – гуляй, не хочу!

Вторая половина августа, на Приморском бульваре отдыхающие со всего Союза, красивые девчонки, солнце, лицо само собой расплывалось в улыбке. Я расслабился. Я гулял, я знал, что по Одессе гуляют постепенно. Приморский бульвар, Оперный театр, Дерибасовская, поел мороженого в кафешке, что под кинотеатром, Горсад, назад на Карла Маркса, потом налево через Матросский переулок в начало Приморского бульвара, Приморский и снова Дерибасовская, площадь Мартыновского, кусочек Совармии, Садовая и я на Новом рынке, на конечной остановке нужного мне автобуса. Уже темнеет, но ещё только девять часов, а в части надо было быть в десять, к отбою. Ехать от силы сорок минут – успеваю. Стою, жду.

Через десять минут, к моей радости на остановке появились еще Войновский, Эдик Луговой и Толик Белый, тоже киевлянин, тот самый остряк-шептун за моей спиной на входе в часть. Еще через десять минут мы начали нервничать. Главное, что кроме нас – военных, на остановке больше никого не было. Мы в десятый раз проверили расписание на табличке. Это успокаивало, если даже не было автобуса в 21:15, то последний должен быть в 21:45. Но опоздать из первого увольнения..! Кошмар!!!

Через еще пятнадцать минут мы с облегчением увидели... нет не автобус, а еще троих военных, дедов с нашей роты, казахских немцев.

– Давно ждем, военные?

– Я здесь уже полчаса, – отвечаю я.

– Надежда умирает последней, – бодро так говорит Менго.

– А мы будем убиты как раз перед самой надеждой, – не поддерживает его оптимизма Гейнц.

– Корнюш нас сгниет, падла. А я своей чувихе обещал, что буду через неделю, а теперь обломится. Вот непраха! – третий.

– Ребята, чего стоим? По воскресеньям автобусы часов в шесть, в семь последние уходят, – мимо шаркает домашними тапочками дедушка, реальный, в том смысле, что не дедушка Советской Армии.

– Вот те на! А как же расписание, дед?

– А тому расписанию много лет уже, внучек. Разве теперь порядок?

– Так пацаны, это залёт. Что делаем?

– Ну, мы то первый раз в увольнении, а вы что не знали, что автобусы не ходят? – Эдик спрашивает дедов.

– Да мы всегда экспрессом от вокзала или с площади Мартыновского до Молодой Гвардии, а там любой автобус до части. Удобно, у экспресса до Лузановки ни одной остановки, а другие через каждые сто метров на Пересыпи останавливаются, – растеряно оправдывается Менго.

– Так, что делать?

– Вернуться на Мартыновского – риск, слишком поздно. Надо идти пешком до Пересыпского моста, это недалеко, оттуда трамваем до Молодой Гвардии, а там что-нибудь придумаем.

– Правильно, на Молодой можно сесть в автобус, что смены ночные возит на Припортовый завод.

– Пошли, пацаны.

Мы пошли от Нового рынка по улице куда-то в сторону моря. Было уже темно, на углу очередного перекрестка увидели одиноко светящуюся табличку «Приёмное отделение», наверное это было здание какой-то больницы. Белый остановился.

– Хлопцы, у меня идея. Все равно наши отмазки, что, мол, мы расписания не знали, старшине до фени. Это наши проблемы, скажет он. Давайте вы меня заведёте на больничку и скажите, что мне плохо. Я попробую шлангануть⁵⁴, а вы просите телефон и звоните в часть, предупреждайте, что не можете вовремя вернуться, типа, меня героически спасаете.

– Идея в целом клёвая, но как же ты, Вайс, шлангом прикинешься? А как колонут тебя до самого радикулита? Хуже ж будет и уже только тебе, – Эдик оценивающе смотрел на Белого-Вайса.

– Не сцы, Мальвина, с нами Артемон. Прорвемся. Ну давай!

Я стучал в запертые двери, Войновский и Эдик на своих плечах держали Вайса, а наши деды исполняли только роли статистов, сраженные нашей активностью и потенциальной изворотливостью. Наконец дверь открылась, Вайса положили в приемном покое на кушетку и начали обследовать. Дежурный врач расспрашивал нас, что случилось. Мы отвечали, как договорились с Толиком, мол, встретились на автобусной остановке, его сильно с животом прихватило, чего он ел, мы не знаем, совсем плохо ему, мы и на автобус сесть не смогли, остались с товарищем, в общем – спасите, Христа ради! А еще вы нам справку выправьте для старшины нашего, деспота и дайте позвонить. Нам отвечали, что товарища нашего сейчас обследуют, жизнь ему, по всей вероятности, спасут, справку дадут, а телефон – вот он, звоните, коль дело военное. В это время во входную дверь постучали и дежурный, бормоча себе под нос, что-то типа: «больной перед смертью потел? Потел, доктор. Это хорошо», пошел открывать дверь.

В прихожей возня, диалог громкий, но слов не разобрать. Хлопнула дверь, врач вернулся к нашему Вайсу. Я пододвинул телефон образованному Менго.

– Звони.

– А кто знает номер телефона?

– А кто вообще может знать номер телефона воинской части? – резонно спрашивает Луговой.

– Дежурный по Военному Округу, наверное, – подсказываю я.

– Ну и что мы ему скажем? Что мы в самоволке?

– Правильно, лучше не звонить, опоздали и опоздали. А так раздуем ЧП на весь гарнизон, только хуже будет.

– Верная мысль.

⁵⁴ Шланговать – притворяться (жар.)

– Главное, чтобы номер у Вайса проканал⁵⁵. А то лепила больно стрёмный⁵⁶.

– Да, врач просто, как с нашей призывной комиссии – Рентген хуев.

Так прошло еще минут тридцать. Снова стук в дверь, мимо прошел дежурный, снова те же голоса и спор уже на повышенных тонах. Дежурный вошел к нам.

– Ребята, там ваша помощь нужна. Помогите, пожалуйста, человеку.

Мы в недоумении вышли на улицу. На улице стояли открытый бортовой грузовик и водитель с неряшливой седой щетиной:

– Ребята, помогите, очень прошу.

– Ну чего там у тебя, – предвидя коммерцию, развязно спрашивает бывалый Эдик.

– Дык, покойник у меня в кузове. Пацанчик, малолетка утоп, мне приказали, вот я его сюда и привез. Первый раз я здесь. Хотел сдать в приемное, а мне этот дохтор говорит, морг, типа, там в конце улицы за воротами железными. Дык, ворота там есть, да только ж никто их не открывает в эту пору.

Было уже начало двенадцатого. Мы стояли в растерянности.

– И чем же мы тебе можем помочь, отец? – Эдик уже совершенно другим тоном.

– А вас же шесть человек, я подъеду к воротам, двое перелезут через ворота, двое залезут и сядут на ворота, а двое станут в кузов. Так мы пацанчика через ворота и передадим, с Божьей помощью. Да, вы не боитесь, он в брезент замотан, и малец совсем, не тяжелый.

– Пошли, пацаны, надо помочь, человеку.

Мы были так растеряны и придавлены, что не совсем понимали всю бесперспективность затеи. И только когда распределились по плану деда: он сдал задним бортом к самим воротам, мы залезли в кузов, стараясь не смотреть в ближний к кабине угол, где в свете одинокого мутно-желтого фонаря была видна кучка брезента, я и Войновский забрались на высокие ворота и спрыгнули на другую сторону, Эдик и Менго сели поверх ворот, а двое остальных начали возиться в кузове; только тогда до меня дошло:

– Ну, принимаем мы труп с тобой, Серега, а дальше что? Если ворота не открыли и в морге никого нет, что мы с тобой будем его сторожить здесь до утра?

– Не. Чего это мы? Дед пусть и сторожит.

– Так тогда, зачем перебрасывать через забор? Пусть в машине и лежит, а дед до утра в кабине кемарит⁵⁷.

– Правильно, Геша. Э, деда.., – мы выдали наши доводы «на гора».

– Так мне же уезжать надо, ребятки.

– Э, нет, постой. Если в морге нет никого, куда мы труп денем?

– А если и есть кто, с каких это тот, кто там есть, у нас такой груз примет?

– И правда. Растерялся я, хлопцы.

– Вы покурите, а мы с Сергеем сейчас морг найдем и проверим, есть ли там кто.

Ребята остались стоять в кузове вместе с дедом, а мы в почти полной темноте пошли искать морг. Слева от нас возвышалось здание больницы, а с правой стороны можно было различить одноэтажное длинное здание с полуподвальными окнами. Похоже. В середине здания дверь, рядом табличка. Сергей присветил спичкой – оно. Мы постучали несмело. Ответа не было. Постучали в ближайшее окно – тишина. Я остался у двери, а Серега пошел дальше, заглядывая в полуподвальные окна.

– Ген, здесь есть какой-то слабый свет. Окна грязные. У-у-у, блядь, трупы голые валяются! Иди сюда.

Я со злостью пнул дверь ногой что было мочи и в тот же миг раздался вопль Войновского:

⁵⁵ Проканать – получить (жар.)

⁵⁶ Стремный лепила – здесь ушлый, умный доктор (жар.)

⁵⁷ Кемарить – спать (жар.)

– А-а-а!!! Мать твою, а-а-а!!!.. Я теп-п-перь, блядь, заика на всю жизнь. Суки!

Я уже бежал к Сергею. Действительно в одном окне мерцал неяркий свет. Я еще не понял, что так перепугало Сергея, как вдруг свет начал становиться все ярче и ярче. Я обомлел, по спине ползли противные мурашки, в животе заурчало – то ли пельмени были несвежими, то ли... не знаю, но только я с трудом сдерживался, чтобы, не сходя с места, не заняться более важным в тот момент для меня делом. Наконец к грязному стеклу приблизилась рука со свечой, вслед появилась блеклая мужская рожа. Мужик кивнул нам и снова стало темно. У Войновского, что называется, зуб на зуб не попадал. От ворот кричали наши пацаны:

– Что стряслось?!

– Э, вы там живы? Помощь нужна?!

– Живы, – смог крикнуть в ответ и я.

Мы с Сергеем пошли назад к двери. Над дверью зажглась тусклая лампа и дверь открылась. Мужик в халате:

– Ну, вы чё кипишуете, военные?

Я вкратце объяснил ситуацию.

– Сейчас, ключи от ворот возьму. Орут тут среди ночи.

Мы разошлись, он назад в морг, а мы к воротам. На этом, слава Богу, наша роль должна была считаться законченной.

– Все, пацаны, сейчас ворота откроют и мы свободны.

Пришел работник морга, открыл ворота, дед сел снова за руль, начал сдавать назад, а мы пошли по темной улице в сторону приемного отделения.

– Вы, чё орал так, что мы в кузове чуть не обхезались?

– Это я штаны должен проверить, – говорю я. – Ну, я вам доложу, пацаны, и обстановочка там. Темно, как у негра в заднице, я у двери, а Серега пошел вдоль морга...

– Смотрю я в окна подвальные, – продолжает Войновский, – все темные, а в одном свет такой неяркий и мерцающий. Я присмотрелся, а там два трупа один на одном валяются. Бздошно так стало. Я Генку позвал, он ногой по двери со всей дури как умочит, а трупы и зашевелились. Я думал, что я обоссусь.

– Може там санитар бабу ебал! – высказал догадку Луговой.

– А может он труп ебал? Как это называется? О – некрофил, еб твою мать!

– Не-е, он потом, когда свечку в руку взял, так нижний труп с кушетки исчез, во! Точняк! – вспоминает Сергей.

– Може на пол сбросил, извращенец хуев?

– Ну и салабоны у нас! В ночи по моргам шастают, ебать-копать, – откомментировал происходящее дед.

– Я, пацаны, на больничке в Киеве на Петра Запорожца часто в это место наведывался, внутрь, дальше коридора не заходил, брехать не буду, но снаружи морг знаю хорошо. Не может быть окон в помещении, где трупы хранятся, или, если они есть, то должны быть полностью закрашены. А это точно санитар сестричку трахал при свече, романтик, ебать его в рот, вот наших несмелых стуков и не слышал, а как я уже въебал со всей силы, он и зашевелился, – выдал я свою, обоснованную опытом, версию.

– Точняк, похоже Гена прав, а мы чуть не обделались.

– Ну чё, может деда уговорим, он нас подбросит куда-нибудь?

– Ну его на хуй! Не полезу я к нему опять в кузов!

От пережитого волнения мы матерились больше обычного. Это была бравада, наша реакция на стресс. Мы не спеша шли по улице, курили. Наше опоздание не казалось нам уже таким страшным.

– А малолетку жалко... Правда, пацаны? Такой маленький...

Дверь нам открыл знакомый врач. Насвистывая веселый мотивчик, пригласил нас следовать за ним. Я тоже знал некоторые медицинские шутки, спросил:

– Доктор, жить будет?

Врач правильный ответ знал, ответил как пароль:

– Доктор жить будет. Ну что ж, прощайтесь со своим товарищем...

– Это в каком смысле? – нам было не до подобных шуток.

– В том, что он остается у нас, а как немного легче ему будет, переведем в военный госпиталь. Я вам выписал уже все необходимые документы. Завтра, послезавтра пусть ваш эскулап из части приедет к нам.

– А что с Толиком?

– У вашего Толика сильнейшая пневмония.

– Что?!?!

– Да, вот так – воспаление легких.

– Летом?... А живот?

– Да, анамнез бывает схожий вначале. Но температура у него под сорок сейчас. Ошибки быть не может, мы уже и рентген, и анализ крови ему сделали.

Вайс лежал цвета мартовского снега на обочине столбовой дороги:

– Передавайте привет старшине, – только и просипел он.

Мы не могли у него ничего спросить, так как за нашими спинами маячил доктор. Забрав вожделенные документы, мы вышли на улицу.

– Ну, вы что-нибудь просекаете, чуваки? Он же здоров был на все сто перед этим.

– Какое воспаление легких? Да у него хроническое воспаление хитрости!

– Вы чё, парни? Он спас нас, реально. Молоток Вайс, потом расколом, как он лепилам такую туфту прогнал, – Эдик, как всегда, был трезв до неприличия.

Забегая вперед, скажу, что так никогда мы и не узнали, как Вайсу это удалось. На все наши расспросы он только хитро улыбался и говорил:

– Заболел я, в натуре заболел. Про Горького, про Максима читали, как у него кровь выступила, когда он своего главного героя пришил? Психология, бля! Вот и со мной это приключилось.

Но кто же в это мог поверить?

А в ту ночь мы быстро пешком дошли до Пересыпского моста, к моему удивлению, за ним стоял светящийся трамвай, через минут десять он поехал. На Молодой Гвардии, простояв перед этим пятнадцать минут, мы решили более не задерживаться и дошли пешком до дорожного КПП, где объяснили ситуацию дежурному офицеру, он нам и остановил какой-то военный грузовик, который довез нас до Чабанки. В роте была тишина, все спали, тревоги по поводу нашей пропажи не объявляли, поэтому и мы легли спать. Думаю, каждый из нас засыпал, переживая события еще раз, облекая их в слова, готовясь к завтрашнему рассказу, даже рассказам.

На следующее утро, когда перед всем строем мы докладывали старшине о случившемся, правда, не по военному перебивая друг друга, наша история обрастала такими подробностями, что хоть в обморок от страха падай. Мы с Войновским чувствовали себя бывалыми волками, для которых все равно – что в морг по ночам ходить, что в нашу столовку днем. Уже никто и не вспоминал, что от крика Войновского проснулось пол-Одессы.

А было все именно так, как я сейчас описал. Вайс же вернулся в часть только через три недели и по болезни получил заветную «не бей лежачих» должность вечного дежурного по штабу. Вот такая она – солдатская смекалка!

Ладно, проехали.

Лето 1984. УПТК

Как же медленно тянулась для меня служба солдатская! Старшина через день по утрам сменял дневального на меня. То есть через день после обеда я пахал на уборке территории вокруг роты. Утром простыни, наволочки, полотенца, портянки. Едет машина на командировку – выдай белье, приехала – принимай. Половину дня я сидел и перебирал, пересчитывал грязные вонючие тряпки. Настоящая мужская работа. Наверное после службы в армии мое лицо станет загорелым, обветренным, мужественным, лед в глазах... Боже, что я здесь делаю?

Я вспоминал свою первую работу. Сразу после школы я пошел работать в университет, на биологический факультет, чтобы присмотреться, определить, чего я хочу. Поступать я не спешил, в голове была полная каша. Так вот в числе моих обязанностей была проявка специальных фотопленок, фотопластин с электронного микроскопа и последующая печать фотографий с них. Норма была, в пересчете на стандартные пленки в 36 кадров, 6 штук в день. Я быстро научился делать десять штук, но... до обеда, о чем, конечно, никому не сказал. После обеда я снова закрывался в своей маленькой темной фотолаборатории, клал книгу под луч света фотоувеличителя «Беларусь» и читал, периодически нажимая кнопочку на автоматическом фотоэкспониметре «Ленинград», потому что экспониметр выдавал характерный и достаточно громкий звук, который могла слышать Лидия Петровна, записная стукачка нашего шефа. Через два месяца мне это надоело и я перевелся на радиофизический факультет, где работы, интересной настоящей работы было всегда невпроворот.

Каптерщиком я себя чувствовал, как на биофаке – закрылся и притворился шлангом. На самом деле делать мне было нечего, все можно было успеть сделать за один, максимум два часа в день. Я знал, что долго так не протяну. Но что сказать старшине? Человек он, мягко говоря, ранимый, обижу своим отказом и окажусь на Соловках. Страшно! Как я уже знал, многое зависит от его настроения в момент разговора.

Необходимое настроение представилось вскорости и начало разговора было положено. Как в плоском анекдоте, когда мужик громко так неожиданно вскрикивает в компании: «Бабах!!», все вздрагивают, а он продолжает: «кстати, об охоте...». Корнюш продемонстрировал такой-же ловкий переход:

– Геш, кстати о книгах... скоро День строителя, почему бы Ларисе не приехать в Одессу отдохнуть? Я бы помог комнату на турбазе неподалеку снять. Ларису поселим там, ты бы ее мог видеть. Если никакого ЧП в части нет, то я бы тебя на ночь отпускал к ней. Это рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.